

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин

БОРЬБА ЗА УНИЮ НОВГОРОДА СО ШВЕЦИЕЙ В 1614 ГОДУ

Публикуемая работа Г. А. Замятина¹ является продолжением его работы о выступлении новгородцев против Михаила Романова². Она была написана в первый год «Пермского периода» жизни и творчества ученого, когда он стал работать профессором в Пермском пединституте (с 1 сентября 1938 г.). По-видимому, в июне 1939 г. работа в основном была завершена. В это время Замятин побывал в Новгороде (?) или Ленинграде и договорился об издании своего труда в «Новгородском историческом сборнике».

Возможно, что эта договоренность Германа Андреевича была с Б. Д. Грековым, который являлся редактором НИС, но с А. А. Строковым Замятину тогда не удалось встретиться, о чем он глубоко сожалел. А. А. Строков написал письмо Замятину 10 июля 1939 г., в котором дал согласие на публикацию работы Замятина. После возвращения из отпуска (трудно сказать, где провел Замятин отпуск в июле – августе 1939 г., но точно, не в Перми) Герман Андреевич сделал небольшую правку статьи. Это мы видим по его ссылкам на последнюю работу В. А. Фигаровского, опубликованную в НИС (вып. 3–4). Этот сборник был получен Замятиным вместе с письмом А. А. Строкова. Возможен вариант, что в июне Герман Андреевич познакомился с этой рукописью Фигаровского и даже встречался с ним самим.

¹ См. о нем: *Коваленко Г. М.* Герман Андреевич Замятин (1882–1953) // Исторические записки. 9 (127). М., 2006.

² *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 году // Новгородский исторический сборник. 13 (23). Великий Новгород, 2013.

В сентябре 1939 г. Замятин отправил свою работу в Новгород и уже в конце октября получил извещение от заведующего Новгородской секцией, что посылка благополучно дошла, и эта статья планируется выйти осенью 1940 г. в 6-м выпуске НИС.

В начале марта 1940 г. Замятин получил извещение от Ученого секретаря, что работа о борьбе новгородцев против унии со Швецией будет опубликована в 8-м выпуске НИС. В письме было написано, что рукопись находится *«сейчас в наборе для 8-го сборника, будет Вам выслана сразу же, по возвращении из типографии»*³. Трудно сказать, что произошло дальше, когда эту рукопись убрали из набора (по требованию Замятина рукопись вернули автору в Пермь), но факт остается фактом: в последнем предвоенном выпуске НИС (Вып. 8) этой работы Замятина не оказалось.

До начала XXI в. к данной работе Замятина, кроме Г. М. Коваленко, никто не обращался. Рукопись продолжала оставаться не востребовавшей и хранилась в РГБ⁴. Работу над ее публикацией начал осуществлять в 2010 г. историк-краевед А. Н. Одинокоев, который в начале сентября 2010 г. любезно предоставил автору этих строк электронный вариант рукописи для дальнейшей сверки текста, особенно – цитируемых источников и ссылок (справочного аппарата). В начале 2011 г. работа была завершена, но потом было принято решение, что прежде следует опубликовать в НИС другой очерк Замятина («Выступление новгородцев»), продолжением которого является «Борьба за унию». В 2013 г. был опубликован очерк «Выступление новгородцев», теперь настала очередь «Борьбы за унию». Сверку текста документов РГАДА и уточнение номеров листов в архивных делах осуществил А. В. Малов.

Статья Г. А. Замятина, написанная более 75 лет назад, до сих пор не утратила своего научного значения. Ее публикация в Новгородском историческом сборнике – дань памяти этому выдающемуся исследователю Смутного времени.

Я. Н. Рабинович

³ Переписка Г. А. Замятина с Новгородской секцией Института истории АН СССР (1939–1940) // 125 лет Новгородскому музею. Новгород, 1991.

⁴ Замятин Г. А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 2. Ед. хр. 3 (очерк 3 докторской диссертации).

ГЛАВА I

Провал кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол, наглядно выразившийся в отъезде Королевича из Выборга обратно в Швецию 17 января 1614 г., – событие, напоминающее отъезд Сигизмунда с Владиславом из Волоколамска в конце 1612 г.⁵ Неизбежно возникает вопрос: что же делать с захваченным Новгородом и его пригородами? Решение вопроса было дано Густавом II Адольфом в инструкции 18 июня 1613 г. комиссарам для ведения переговоров в Выборге с русскими касательно избрания Карла Филиппа русским царем. На случай, если в Выборг явятся послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода и Пскова, король выражал желание занять Новгород и Псков; это не надо понимать, как подчинение шведской короне. Нет, новгородцы и псковичи *«должны оставаться мирным народом и впредь, как было и до сих пор, так соединенные со Швецией под одной короной, как Литва с Польшей»*⁶.

Чтобы понять вполне намерения Густава II Адольфа относительно Новгорода, вспомним наиболее важные условия Люблинской унии Литвы с Польшей 1569 г. Известно, что после унии 1569 г. Польша и Литва образовали Речь Посполитую, с общим королем, выбранным польско-литовской шляхтой, с общим сеймом, состоящим из сенато-посольской избы, с общей внешней политикой и общей денежной системой. Наряду с этим Польша и Литва сохраняли также свои законы, администрацию (центральную и областную. – Г. З.), бюджет, войско. В прежние годы спорили о том, было ли это *«вселение»* Литвы в Польшу (*in corporation* – Г. З.).

В наши дни вопрос решается в том смысле, что уния 1569 г. не была окончательной инкорпорацией Литвы в Польшу, только часть Литвы вместе с Украиной была инкорпорирована, другая же часть ее еще сохранила некоторую автономию и права иметь свои законы, администрацию, суд и т. д. Зато польское дворянство получило право занимать должности в обеих частях Речи Посполитой и приобретать недвижимость. Таким образом, возникшая в 1569 г. после унии Польши и Литвы *«Речь Посполитая»* имела державный характер⁷.

⁵ О прибытии Сигизмунда с Владиславом в Россию Я. Делагарди сообщал А. Оксеншерне письмом из Новгорода 24 октября 1612 г. См.: Rikskansleren A. Oxenstiernas Skrifter och brevfväxling. Senare Afdeln. B. V: Jakob de la Gardie bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 17–18.

⁶ Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии (далее – НУАК). Т. XIV, Отд. 3. С. 4–18.

⁷ *«Речь Посполитая»*, – читаем в «Истории СССР» Т. I. М., 1939. С. 543, – не была одним государством, а, скорее, федерацией двух государств». См.: Кутиеба С. Очерки

Кому уния была выгодна?

Выгоды получали шляхтичи-крепостники. «В основе унии лежало соглашение, оформлявшее польско-магнатский блок»⁸. Если уния Литвы и Польши 1569 г. была заключена в интересах феодалов, то, можно думать, что уния Новгорода со Швецией подобно Люблинской унии, о какой мечтали шведские политики, должна была отвечать в первую очередь интересам шведских феодалов.

В противоположность своему отцу Густав II Адольф делал немалые уступки дворянству. На время восстанавливаются привилегии дворян, что особенно ярко вырисовывается в королевской жалованной грамоте 1611 года. Дворяне получили решающий голос на сеймах, новые права над крестьянами, высшие должности, во внешней политике король не делал ни шага без согласия дворянства⁹.

Уния Новгорода со Швецией представляет собою новый этап в процессе утверждения Швеции на Балтийском море¹⁰.

Когда же шведы стали готовиться к унии Новгорода?

Еще 3 сентября 1613 г., стало быть, спустя неделю после первой аудиенции новгородских посланных у королевича, комиссары обращаются к Делагарди с просьбой сообщить им свое мнение: нужно ли еще ждать послов от Московского и других государств или их декларации, или нужно постараться убедить новгородцев, чтобы они согласились на присоединение к Швеции и признали шведского короля своим государем. Комиссары еще не решились, как поступить¹¹.

государственного и общественного строя Польши. В 4 т. Т. 1 / пер. с польск. СПб., 1907. С. 122–123; Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 290–291; Пичета В. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 605–631; Ланно И. И. Люблинская уния и третий Литовский статус // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Сер. XIX. 1917. № 5, Отд. II. С. 97–98.

⁸ Пользуясь выражением Н. Л. Рубинштейна. См.: Рубинштейн Н. Л. Борьба украинского народа против панской Польши и присоединение Украины к России (В помощь преподавателю истории) // Учительская газета. 1938. 3 февраля. № 17. С. 2.

⁹ Меринг Ф. Густав Адольф // Научное обозрение. 1899. № 2. С. 284; Дымина Л. Государственное право Швеции. Т. I. Часть историческая. СПб., 1901. С. 119–120.

¹⁰ Какое значение придавал Густав II Адольф приобретению Новгорода, видно из инструкции, данной 26 мая 1612 г. В ней читаем: «Dhet Nougårdische fursi dömet ähr icke nllenest en Borgh för finland uch för Sverige, vtham hisar det kundhe a pss behäjjes, wore det Sverige fillen steor fit för the kostelige wahrur skullsom the...» См.: Waaranen J. Handlingar upplysande Finlands historia under Karl IX s tid, utg. af J. E. Waaranen (Samling af urkunder rörande Finlands historia). Helsingfors, 1874. D. I, 1613–1614. S. 52.

¹¹ Письмо комиссаров Й. Бойе, Г. Горна и А. Тённессона к Я. Делагарди от 3 сентября 1613 г. в архиве Делагарди в библиотеке университета в Тарту, Эстония. См.: Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 18.

Более определенное решение находим в письме Генрика Горна к Делагарди 28 ноября 1613 г. Воля короля, по словам Горна, такова: если нет никакой надежды на то, что Карл Филипп станет царем всей России, в таком случае комиссары должны оказать давление на новгородцев, чтобы они присоединились к Швеции. У послов из Новгорода, которые находятся в Выборге, однако, нет на это никакого полномочия ни от митрополита, ни от новгородских чиновников. По этой причине с ними невозможно вступать в переговоры об унии. Комиссары написали королю, что необходимо ехать и трактовать по этому вопросу в самом Новгороде¹².

О своем намерении ехать в Новгород комиссары, видимо, говорили, не скрывая это от новгородских посланных. Поэтому архимандрит Киприан с товарищами написал 12 января 1614 г. из Выборга митрополиту Исидору, воеводе Одоевскому, всяким людям Новгородского государства: *«а ныне по указу государя нашего короля Густава Адольфа Карлусовича идет в Великий Новгород к Ноугороцкому государству полномочный великий посол Индрик Горн Карлович на большой на полной договор с Ноугородским государством»*¹³.

Зная хорошо, что у новгородских посланных, прибывших в Выборг, нет полномочий вести переговоры об унии Новгорода со Швецией, шведские комиссары прибегают к неопозволительным приемам.

Из письма комиссаров из Выборга к Делагарди в Новгород от 23 сентября 1613 г. (прибыло письмо по адресу 4 октября 1613 г. – Г. 3.) узнаем, что они решили послать Игнатия Харламова (названного в письме *in dibern* – дворянин – Г. 3.) и торгового человека Томилу Пристальцова по просьбе архимандрита Киприана из Выборга в Псков¹⁴. Видимо, им было поручено побывать и в Новгороде. С названными членами посольства архимандрит Киприан с товарищами писали, что они били челом королевичу «о походе в Новгород»¹⁵ 2 января 1614 г. *«Томило Пристальцов да Спаса Футьня монастыря служба Безсонко Лутьянов»* вернулись в Выборг (Харламов, видимо, остался в Новгороде. – Г. 3.), привезя от митрополита Исидора и боярина Одоевского две грамоты. Шведские комиссары, *«не допустя»* приехавших до

¹² Письмо Г. Горна к Я. Делагарди в архиве Делагарди в Тарту. См.: Кордт В. А. Указ. соч. С. 38.

¹³ Отписка Хутынского архимандрита Киприана с товарищами Новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинам о несогласии принца Карла Филиппа продолжать путь из Выборга в Новгород в случае если не явятся к нему уполномоченные от всего государства для приглашения его на Российский престол. 1614, января 12 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 2, № 11. С. 27.

¹⁴ Письмо комиссаров к Я. Делагарди от 23 сентября 1613 г. в архиве Делагарди в Тарту. См.: Кордт В. А. Указ. соч. С. 38.

¹⁵ ДАИ. Т. 2, № 11. С. 25.

посла, взяли их к себе «в Вышегород и их о всем подлинно роспрашивали». Т. Пристальцов, должно быть, был подкуплен шведами: он стал говорить, что с ним есть приказ, чтобы новгородские посланные целовали крест королю¹⁶. Такими мерами комиссары хотели воздействовать на посланных. Затея не удалась.

Отъезд Генрика Горна из Выборга в Новгород по разным причинам, для нас неинтересный, не состоялся. Поэтому письмом от 9 января 1614 г. Горн предложил Делагарди приступить в Новгороде к переговорам об унии со Швецией с сохранением религии, прав и привилегий в соответствии с инструкцией короля. Переговоры должны произойти без особого волнения и смятения. Необходимо предложить и посоветовать (*proponere och ahnmodhe. – Г. 3.*)¹⁷.

На основании писем Горна утверждаем, что шведы приступили к переговорам об унии Новгорода со Швецией лишь в январе 1614 г.

Получив письмо Генрика Горна о предписании предложить новгородцам унию со Швецией, Делагарди с Эвертом Горном приступили к делу.

26 января 1614 г. (а по русским источникам 25 января. – Г. 3.) Делагарди, собравши всех «*неметцких воевод и рихмистров и лутчих людей*», явился на двор к митрополиту Исидору и велел тому звать боярина Одоевского – «*и властей, и дворян, и детей боярских, и гостей, и пятаконецких старост, и лутчих людей*». Подчеркиваем, что состав собрания был не демократический, а аристократический, созваны были лишь «лучшие», «знатнейшие», верхушка общества¹⁸. Количество присутствующих установить невозможно.

В. А. Фигаровский, приведя цитату из отписки Киприана 12 января 1614 г. о поездке Генрика Горна в Новгород, прибавляет: «*и, действительно, в конце января Горн приехал в Новгород и, собрав у митрополита “новгородский собор”, т. е. духовенство, воевод, дворян и дьяков, а также купцов и представителей ремесленников, вместе с Делагарди попытался склонить их к присяге Густаву Адольфу*»¹⁹. В этом утверждении допущен ряд ошибок. В шведском источнике говорится, что созвал к митрополиту разных лиц «*главнокомандующий*», не названный по имени. Главнокомандующим в Новгороде (*der Setherr*) был

¹⁶ ДАИ. Т. 2, № 11. С. 25; См. также: Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. III–IV. С. 68. В. А. Фигаровский неверно прочел источник – показание И. Филатова о Пристальцове: «*что с ним милым (?) приказ от новгородцев ото всяких людей, чтобы послы королю крест целовали*». Правильное чтение: «с ним, Томилом, приказа». См.: РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614. Д. 1.

¹⁷ Письмо Г. Горна от 9 января 1614 г. в библиотеке университета в Тарту. См.: Кордт В. А. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614. Д. I.

¹⁹ См.: Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 69.

Я. Делагарди. Из показаний Ивана Филатова видно, что созывал новгородцев Я. Делагарди. Почему же В. А. Фигаровский пишет, что в Новгороде действовал Горн? Недоумение возрастает еще больше по прочтении примечания, сделанного В. А. Фигаровским: «в письме Киприана, – пишет В. А. Фигаровский, – описка: в Новгород поехал не Фридрих Горн, или как произносили русские, Индрик, а Эверт Горн»²⁰.

Но ведь Киприан определенно говорит, что «идет в Великий Новгород... полномочный великий посол Индрик Горн Карлусович», т. е. комиссар в Выборге. Эверт Горн (брат Генрика. – Г. 3.) комиссаром в Выборге не был. Наконец, русские источники знают лишь Индрика (Генрика. – Г. 3.) Горна и Эверта Горна – двух братьев. Имя Фридриха Горна попадает только в Арсеньевских бумагах²¹. Это, очевидно, ошибка переписчика: в указателе личных имен, приложенном к письмам Делагарди к Акселю Оксеншерне, имени Фридриха Горна не находим²². Мы заявляем, что Генрик Горн в Новгороде не бывал, письмом от 9 января 1614 г. он поручил провести дело об унии в Новгороде Я. Делагарди. Важнее другая ошибка В. А. Фигаровского. Он пишет, что на собрании 26 января были собраны «представители ремесленников». Ни в шведском источнике, ни в показаниях Ивана Филатова об участии ремесленников не сказано ни слова.

Когда 25 (26) января новгородцы собрались, Делагарди начал речь. В шведском источнике говорится, что речь держал Делагарди «в присутствии фельдмаршала Эверта Горна и других начальников». То же читаем и в показаниях Филатова. В русских источниках указывается, что «говорил» Горн. Возможно, что он передавал предложения Делагарди²³. На наш взгляд, эта деталь не имеет существенного значения. Важнее «пункты», предложенные Делагарди.

Фельдмаршал напомнил о присяге, данной новгородцами Карлу IX, и об условиях, на каких она была принесена, а именно, что новгородцы признают одного из сыновей шведского короля своим государем, напомнил о посольстве Никандра в Швецию и о том, что Густав II Адольф дал в цари своего брата Карла Филиппа и тот жил в Выборге в ожидании послов от всего Московского государства. Но в Выборг явились лишь послы из Новгорода, а «московские чины» послов не прислали. Они выбрали себе царем «одного из своих» (имя Михаила Федоровича в документе не упомянуто. – Г. 3.), мало того, без всякого объявления войны взяли Тихвин, Гдов, вторглись в Лифляндию и Кегсгольмскую область (Корела с уездом – Г. 3.). Непостоянство московских лю-

²⁰ См.: НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 60.

²¹ См.: Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911.

²² Rikskansleren A. Oxenstiernas skrifter Brefväxling Senare Axeln. B. V. S. 623 и след.

²³ Память Я. Делагарди Густаву Адольфу о переговорах с новгородцами 26 января 1614 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1912. Вып. VI, № 1. С. 3; РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614. Д. 1. Ср.: ДАИ. Т. 2, № 20, 21. С. 41–43.

дей, а также измена новгородских *«бояр и крестьян»* побудила Карла Филиппа *«отказать Новгородскому государству в личном управлении им»*: королевич еще *«слишком слаб»* и не в состоянии без содействия брата-короля отомстить Московскому государству, не в силах вести против него войну, он состоит под опекой брата; к тому же Новгородское государство само слишком мало, чтобы защищаться своими силами. Поэтому Карл Филипп отказался от управления Новгородским государством и в Новгород не придет. Ввиду этого Делагарди желал узнать от новгородцев, *«думают ли они еще оставаться под покровительством и защитой»* короля.

Собравшиеся благодарили короля за защиту и покровительство и обещали *«и впредь признавать»* короля своим покровителем и оставаться ему верными, согласно своей прежней присяги; *«в этой своей присяге они желают жить и умереть»*; если требуется снова присягнуть королевичу, они согласны.

После того Делагарди спросил: если новгородцы достаточно убедились в вероломстве москвичей, то отказываются ли от них совершенно на будущее время, отделяются ли от них *«во всем»* и *«будут»* ли держаться короля и *«шведской короны»*?

Вопрос был поставлен прямо. Ответ на него приведем словами источника: *«Они (новгородцы. – Г. З.) снова заявили, что они имеют причины совершенно отделиться от москвичей и вместо того будут верно держаться это охотно, потому что они и без того раньше были обязаны присягой на верность»* королю и его брату *«и хотят оставаться ей верными»*.

В ответ на заявление новгородцев Делагарди сказал, что король одним словом доверять не может.

Новгородцы указывали, что они присягали Карлу Филиппу как своему государю и не считают себя вправе заверять в чем-либо короля: это не в их власти, а зависит от Карла Филиппа. Они просили объяснить, почему король от них требует большего? Узнавши причину, они могут правильнее решить дело.

Делагарди отвечал, что король снова желает взять Новгородское государство под свою защиту и покровительство, но при условии, *«если они (новгородцы. – Г. З.) добровольно соединятся и свяжутся с его королевским величеством и шведской короной присягой и крестным целованием на вечные времена»*. Это не надо понимать, будто король стремится сделать Новгородцев *«крепостными и рабами шведской короны»*. Нет, новгородцы *«остаются свободным народом, который отныне, как было до сих пор, будет со Швецией под одним королем, сохраняя свою веру, права и привилегии, как Литва с Польшей»*.

Теперь, когда карты оказались раскрытыми, собравшиеся новгородцы заговорили другим тоном. Они заявили, что они уже и раньше были подданными короля и шведской короны (ведь Карл Филипп

находился под юрисдикцией своего брата-короля; поэтому и Новгородское государство было «до некоторой степени» послушно и подвластно королю; оно и управлялось уполномоченными короля. — Г. 3.), «но чтобы таким образом еще более присоединить Новгородское государство к шведской короне», это не в их власти, а «зависит от воли и желания королевича». Таким образом, новгородцы отказались от унии со Швецией.

По каким же основаниям новгородцы отказались от унии со Швецией? Судя по шведскому документу в русском переводе, новгородцы указали три основания отказа:

1) они связаны присягой королевичу и без согласия последнего не могут присягать со спокойной совестью никому другому; их могут потом назвать клятвопреступниками и упрекнуть, что они сегодня присягают одному, а завтра другому;

2) «Они просят подумать о том, какое доверие могут внушать люди», которых подозревают в измене;

3) если москвичи узнают, что Новгородское государство вынуждено присягнуть шведскому королю, они станут еще более оправдываться в своих действиях и говорить, что они поступили правильно, не признав королевича: они с самого начала видели, что их хотят через королевича «присоединить к шведской короне». Примером этого теперь служит Новгородское государство.

Новгородцы заявили, что хотя королевич отказался от управления ими, но они-то со своей стороны еще не отступили от присяги ему и никогда от нее не отступят; хотя Московское государство и не пожелало соединиться с Новгородским, все равно, Карл Филипп будет их великим князем, «и все включенные в договор (25 июля 1611 г. — Г. 3.) пункты должны выполняться твердо и неизменно». Они надеются, что королевич сжалится над ними и возьмет управление в свои руки.

Делагарди заметил, что королевич вступил бы в управление (для этого он и отправился в Выборг — Г. 3.), если бы москвичи, а также часть жителей Новгородского государства не отступились от присяги; вина лежит на них, а вовсе не на королевиче. Фельдмаршал указал на опасности, каким подвергается Новгородское государство, если его оставит шведский король, и со стороны Польши и со стороны Швеции. Пусть новгородцы подумают о невозможности для них воевать с двумя могущественными государствами, «поищут против поляков прибежища, обороны и защиты» у шведского короля; пусть обсудят, «какую пользу, выгоду и помощь они могут иметь от Шведской короны для своих необходимых нужд в мирное время на воде и на суше, а также какую помощь и выручку они в истекшем году уже имели от шведской короны».

Новгородцы стояли твердо на своем отказе. В заключение, напомнив о расходах шведского короля при оказании помощи *«всей русской нации»*, Делагарди указал, что новгородцы должны возместить эти расходы, если желают себе добра и ищут дружбы у Швеции.

Новгородцы отвечали, что платить должны не одни они, а *«вся земля»*: ведь это произошло помимо их желания. К тому же они со всеми своими землями и крестьянами состоят во власти короля и королевича, которые и могут поступать по своей воле; они – новгородцы, удовлетворятся тем, что решат относительно управления и их защиты король и его брат-королевич²⁴.

Невольно поднимается вопрос: чем объяснить отказ новгородцев от унии со Швецией? Мы поймем, в чем дело, если попытаемся выяснить отношения новгородцев в эти месяцы к Москве. Известно, что угроза полного отделения Новгорода от Московского государства вследствие избрания Карла Филиппа вынудила правительство Михаила Романова отправить под Новгород рать под начальством боярина Д. Т. Трубецкого. Выступление русской рати произошло еще в сентябре 1613 г. В грамоте в Пермь, написанной в Москве *«лета 7122, октября в I день»* (1 октября 1613 г. – Г. 3.), царь писал: *«...отпустили мы с Москвы под Великий Новгород боярина своего и воевод князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да окольничего князя Данила Ивановича Мезецкого, со многими людьми, и велели им над Новымгородом промышлять»*²⁵. Уже 18 октября 1613 г. от Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого с тверитином Вас[илием] Молотеиным отправлена была грамота в Новгород к Делагарди, написанная *«в полках»*. Грамота на русском языке сохранилась в шведском государственном архиве в Стокгольме²⁶.

Познакомимся с содержанием грамоты. Д. Т. Трубецкой и Д. И. Мезецкий ставили в известность шведского фельдмаршала о том, что *«на всех великих и преславных государствах Российского царствия»* учинился царем Михаил Федорович. Ныне он правит *«мирно и безмятежно»*. Многие города уже очищены от врагов – польских и литовских людей. Делагарди был послан королем царю Василию Шуйскому на помощь, но под Клушиным он – Делагарди – и Эверт Горн *«со всеми своими ратными людьми»* отъехали к Жолкевскому. После того, *«утвердясь»* с гетманом, шведы пошли *«на Новгород и к Онежскому рубежу»*. А как бояре, воеводы и всяких чинов люди поднялись против польских и литовских людей под Москвою, Делагарди стал ссылаться с

²⁴ Сб. НОЛД. Новгород, 1912. Вып. VI, № 1. С. 3–12; Ср.: ДАИ. Т. 2. № 20, 21.

²⁵ Царская грамота Пермскому воеводе об освобождении Белой от поляков и победе под Тихвином. 1613, октября 1 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 3 (1613–1645), № 12. С. 15.

²⁶ См. приложение № 1.

ними, указывая, что король Карл IX желает помочь Московскому государству против польских и литовских людей. Бояре, поверив Делагарди, начали ссылаться с ним *«о добром деле и помощи»*. Но Делагарди *«ничего делом не делал, все обманом»*, захватил Новгород, а *«на митрополита и на боярина и воеводу и на всех людей взял... запись сильно по своей воле будто обрали они на Новгородское государство государя... Карлуса короля сына, Карла Филиппа»*.

Теперь уже *«третий год»* Делагарди живет в Новгороде. За это время он *«ноугородцкие пригороды»* *«иные взятием взял, а иные прелестью за крестным целованием»* и с Новгорода и с пригородов собирает много доходов и этим вызывает ссору между царем и королем. Воеводы предлагают Делагарди удалиться из Новгорода *«со всеми немецкими людьми»* в шведскую землю, вывести ратных людей из всех новгородских пригородов, *«не начинать большово кровопролитья меж государей и государств»*. Если Делагарди из Новгорода не выйдет добровольно, воеводы начнут *«промышлять»* над шведами: *«отчины своей Великаго Новгорода царскому величеству никому не поступиватце и ее достигать»*. Делагарди известно, *«что Новгород от великих государей... царей российских ни за кем не бывал, и ныне ему быть»* за царем. Что касается отношений Московского государства и Швеции, то пусть Густав II Адольф шлет к царю своих послов для переговоров. В заключение воеводы просили дать ответ на грамоту, а посланца Василия Молотеина отпустить без задержки обратно.

Как видно из пометы на документе на шведском языке, грамота была доставлена в Новгород 13 ноября 1613 г.

17 декабря шведы захватили у одного казака и доставили в Новгород другую грамоту Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого, адресованную *«новгородским дворянам и детям боярским и государевым дворцовых сел и черных волостей приказчикам и крестьянам и всяким людям»*. Воеводы извещали, что они по указу царя идут с большой ратью *«на очищение его царских отчины великого Нова города и новгородцких пригородов от немецких людей»*. Пусть новгородские дворяне и другие люди отстанут от немецких людей и целуют крест Михаилу Федоровичу: пусть промышляют над немецкими ратными людьми вместе с московской ратью, *«смотря по тамошнему делу»*; а в Новгороде *«про всякие новости проведывают: много-ль ныне в Нове городе с Яковом Пунтосовым немецких и всяких воинских людей, и что его Яковлево, умышление, и сидеть-ли ему в Нове городе, и с государевыми людьми ему битьца-ли, и где ныне немецкие и литовские люди, которые были под Тихвиною (и) из Свеи прибыльных немецких людей в Нове городе к Якову Пунтосову не будет-ли»*. *«Проведав про всякие вестии»*, пусть напишут московским воеводам. Царь за это их пожалует. Пусть сообщают вести и в полки, которые ныне стоят в Новгородском уезде. Воеводы добавляли, что новгородцы могут ездить в полки и острожки со

всякими товарами, – с хлебом и с кормом для лошадей без опасенья. Ратным людям дан приказ, чтобы оберегали их от немецких людей²⁷.

На основании рассмотренных двух документов мы вправе сделать заключение, что московские воеводы, помимо официальных писем к Делагарди, посылают письма к новгородским дворянам, детям боярским, приказчикам государственных дворцовых и черных волостей, стремясь их склонить на сторону Москвы. Очень любопытно, что в грамоте к новгородским дворянам нет обращения ни к митрополиту Исидору, ни к воеводе И. Н. Одоевскому, ни к духовенству (черному и белому. – Г. 3.), ни к гостям, ни к торговым людям. Остается впечатление, что к этим слоям у Московского правительства нет доверия. Не повлияли ли тут рассказы о настроении в Новгороде бежавших оттуда в Москву Угрима Лупандина, Нарбековых и др.?

Мы не можем сказать ничего о пребывании Василия Молотеина в Новгороде, не можем указать точно, когда он вернулся из Новгорода в полки. Отметим одно: царское правительство, видимо, признало поручение, данное Молотеину, выполненным успешно. Об этом говорит награждение В. Молотеина по возвращении из Новгорода. Ему придано было *«за тое службу»* государева жалованья поместного оклада *«к 400 четьям 50 четьи, денег к четвертному к жалованью и 12 рублем 7 ж рублев»*. Придаточные деньги даны были *«на 122-й год»* (1614)²⁸.

Посмотрим, как реагировали в Новгороде на получение от московских воевод письма и прежде всего Делагарди. К сожалению, в наших руках нет ряда документов на шведском языке. Поэтому мы вынуждены кое-что передавать с чужих слов.

О приходе рати Д. Т. Трубецкого к Торжку Делагарди уже 21 ноября 1613 г. написал в Выборг комиссарам Бойе и Теннессону. На письмо Д. Т. Трубецкого Делагарди ответил, что если москвичи желают предотвратить кровопролитие, то могут достичь этого путем переговоров. Таким образом, он предложил начать переговоры. Одновременно он послал письмо московским чинам в том же духе в полном соответствии с присланным к нему из Выборга Г. Горном черновиком²⁹.

В своем рапорте Густаву II Адольфу 16 декабря 1613 г. об обращении к русским он пытался убедить короля в невозможности принудить Новгород к покорности. День спустя после того, он писал

²⁷ См. приложение № 2.

²⁸ Памятники дипломатических сношений (ПДС) Московского государства с Польшей (1609–1615) // Сб. РИО. СПб., 1913. Т. 142. С. 582.

²⁹ Письма сохранились в РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1613 г. Письмо Я. Делагарди комиссарам в Выборг от 21 ноября 1613 г. см.: РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1613 г. Д. 3. Л. 15–18. Видимо, оно было перехвачено. Письмо напечатано. См.: *Waaranen J. Samling af urkunder rörande Finlands historia. Bd. IV (1611–1613), № 165. S. 215.*

Г. Горну, чтобы Швеция по-новому искала мира с Россией, потому что успехи шведов начинают прекращаться.

Таким образом, Я. Делагарди определенно склонялся к миру с Россией. Не лишнее здесь вспомнить, что на риксдаге в Эребро в январе 1614 г. проявилось сильное стремление к миру с русскими. Считаясь с настроением чинов, король заявил, что он готов писать царю (см. очерк I «Походы шведов в Поморье» стр. 70. — Г. 3.)³⁰. 19 марта 1614 г. Густав II Адольф отправил в Новгород митрополиту и всему освященному собору, а также боярину Одоевскому и всяких чинов людям грамоту, в которой приказывал писать в Московское, Владимирское и другие государства Российского царства, чтобы те послали к 20 июня своих уполномоченных в Великий Новгород или другое ближайшее место, для переговоров о мире. Король желал иметь к 1 июня точные сведения, пошлют ли москвичи уполномоченных. 30 апреля 1614 г. Густав II Адольф дал в Або мемориал Эверту Горну, в котором также говорилось, что московские люди могут прислать уполномоченных в Новгород или в другое подходящее место в окрестностях Новгорода для переговоров о мире, также выражалось желание знать к 1 июня, пошлют ли москвичи уполномоченных. Из приведенных фактов видно, что стремление к миру с Россией обнаруживалось не только у Делагарди, но и в самой Швеции³¹.

Обратимся к новгородцам. В грамоте, посланной из Новгорода митрополитом Исидором и воеводою И. Н. Одоевским к Д. Т. Трубецкому и Д. И. Мезецкому с Иваном Филатовым в 1614 г., нам встретилось такое упоминание: «В нынешнем, господа, во 122[-ом] год[у], декаб[р]я (пустое место. — Г. 3.) [Здесь оставлено место для написания числа, которое вписано так и не было. — А. М.] день писали яз, преосвященный Исид[ор] митрополит и весь освященный собор да яз Иван и всяких чинов люди Ноугородцкого государства Московского государства к боярину и всяких чинов люд[е]м с посланцом боярина и воеводы князя Дмит[рия] Тимофеевича Трубецкого о надобных з[е]м[ских] делех». Необходимо сделать вывод, что грамота Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого, отправленная новгородским дворянам, не осталась без ответа. Этот ответ все же пока остается неизвестным. В более поздней (1615 г. — Г. 3.) грамоте новгородцев московским боярам находим краткое ука-

³⁰ Замятин Г. А. Походы шведов в Поморье в начале XVII века // Учен. Зап. Пермского гос. пед. ин-та. Ист. филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 70.

³¹ Hallenberg J. Svea rikes historia under konung Gustaf Adolfs den Stores regering. Stockholm, 1793. В. III. S. 199; Sveriges krig 1611–1632. Stockholm, 1936. В. I, d. I. S. 448. Ср.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1902. Т. IV. С. 146; Распросные речи стольника Ивана Ивановича Чепчугова, московского дворянина Никиты Остафьевича Пушкина и дворянина Романовца Фоки Дурова. После 17 июня 1614 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. V, № 10. С. 30–31. Фотоснимок грамоты Густава II Адольфа в Новгород имеется в наших руках.

зание, какого содержания была отписка новгородцев Д. Т. Трубецкому «с Васильем Молотяиновым». Новгородские власти просили московских воевод: «чтоб оне не обославыся с Яковом Пунтусовичем к Новгороду не ходили, а обославыся с Яковом Пунтусовичем с добром посреди, для того, как лучитца притти блиско Нова города Московского государства ратным людям». Не трудно заметить, что новгородские власти ведут ту же линию, что и Делгарди: они действуют под влиянием Делгарди³².

Нам хотелось бы обратить еще внимание на следующий факт. Начиная с сентября 1613 г. среди источников о Новгороде обычными становятся поручные записи. Так, от сентября 1613 г. известна поручная запись за Ивана Косицкого, что он не изменит Карлу Филиппу, не отъедет «ни в которые изменницкие городы», не станет «лазучити» или ссылаться «писмом и грамотки». К 11 октября 1613 г. относятся четыре поручные записи: в первой кашинец Илья Грушецкой вместе с Шепелевым и Свистовым ручаются за Якова Федорова Дубовского в том, что «ему жити в Великом Новегороде без выезду, покаместа он на себя окупом промыслит или на обмену, или как его государь пожалует и до государеву указу из Новогорода не збегати никуды, и живучи в Великом Новегороде бездельных смутных речей никаких не вмещати и Московского государства и со Псковскими людьми и с иными ворами, которые от Новгородского государства отложились, ни о какове дурне писмом не ссылатца и речью не ноказывати... а государю королевичю и великому князю Карлусу Филипу Карлусовичу служити и прямити во всем»; в остальных трех поручных записях сам Я. Ф. Дубовский выступает поручителем за Грушецкого, Шепелева и Свистова.

20 ноября 1613 г. 26 новгородских помещиков ручаются «в государеву казну по Богданове жене Лупандина по Федосье, да по Угримове матери Лупандина по Анне по Матвееве дочери, да по Парфеньеве матери Нарбекова Настасье Ивановне дочери, да по жене его Овдотье, да по Самуилове сыне Нарбекова по Офонасье, да по Парфеньеве сыне по Григорье, да по Степане Андрееве сыне Нарбекова, да по Максомове дочери Нарбекова по Степаниде, да по Парфеньевых дочерях Нарбекова по Параскевье да по Федоре». Известно, что Самуил, Парфен и Богдан Нарбеков, Богдан да Угрим Лупандин, князь Григорий Мещерский бежали еще до 6 августа 1613 г. из Новгорода в Москву. Поручная запись дается по оставшимся родственникам бежавших. В чем же новгородские помещики ручаются? Приведем буквально выдержку из записи. «Быти им за нашими поруками, в Великом Новегороде, и без государева указу из Новагорода никуды не отъехати и не изменити, и живучи

³² РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1. Л. 4–6; Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского / публ. В. А. Фигаровский // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 76–77.

в Новгороде в мире никаких смутных речей никому не говорити и не вместиати. И будучи в Новгороде учнут с ким (кем) какие в мире смутные речи говорити или вместиати, или из Новгорода без государева указу куды отъедут или изменят: и на нас на порутчиках пеня» Карла Филиппа.

8 декабря 1613 г. подъячим поместной избы Торопом Беляковским, пономарем Семеновым и др. дана была поручная запись за казначея Отня монастыря старца Феодосия в том, что он из Новгорода *«без боярского ведома никуда не убежит и с воровскими людьми грамотами ссылатца не будет»*.

Поручные записи служат показателем известного брожения в Новгороде. В январе 1614 года даже комиссары в Выборге стали выражать новгородским послам негодование, *«что многие люди из Великого Новгорода отъезжают к ворам»*. Позволительно думать, что приближение московской рати к Новгороду и грамоты Д. Т. Трубецкого возымели действие³³.

На основании изложенного позволяем высказать догадку, что отказ новгородцев от унии со Швецией на собрании 26 января 1614 г. необходимо поставить в связь с приходом московской рати под Новгород. Новгородцы почувствовали опору. Прав М. Н. Тихомиров, утверждающий, что *«с 1613 года новгородцы не были одиноки и опирались на Московское государство»*³⁴, но надо указать точнее, – в последние месяцы 1613 года, когда армия Трубецкого двинулась на очищение Новгорода от шведов.

Думается, что необходимо принять во внимание и другой факт – это приезд Якова Михайловича Боборыкина из Выборга в Новгород. Дворянин Деревской пятины, Я. М. Боборыкин определен был в Выборг в числе послов во главе с архимандритом Киприаном. Вернулся Боборыкин из Выборга *«сево великого мясоеду»*, еще до предположения Делагарди унии новгородцам, т. е. до 25 января 1614 г. Любопытно, что другие послы во главе с Киприаном остались в Выборге, они приехали лишь в августе 1614 г. Почему Боборыкин вернулся один, сказать не можем. Пребывание в Выборге, по-видимому, произвело перелом в настроении Я. Боборыкина: отправившись в Выборг в качестве посла к Карлу Филиппу (что заставляет думать, что он был вначале сторонником шведского королевича. – Г. З.), Я. Боборыкин по возвращении оттуда становится ярким противником унии Новгорода со Швецией, ревностным радетелем Московскому царю. Об этом свидетельствует инте-

³³ Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского гос. архива // ЧОИДР. 1890. Кн. I. С. 16–17; ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–19; № 11. С. 24–25.

³⁴ Тихомиров М. Н. Рецензия. Новгородский исторический сборник. Вып. III–IV. Новгород, 1938 // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 163.

ресная челобитная Я. Боборыкина Михаилу Федоровичу 1615 г. с выписками из «столбцов» о заслугах Боборыкина³⁵.

Прибывши в Новгород, Я. Боборыкин, по рассказу новгородского посадского человека Ивана Филатова, стал спрашивать митрополита Исидора и других новгородцев, *«по чьему велению»* новгородец посадский человек Томило Остальцев, приехавший в Выборг (он же Томило Пристальцев. – Г. 3.), говорил, что с ним митрополит Исидор, боярин Одоевский и другие новгородцы приказали архимандриту Киприану, чтобы *«послы королю крест целовали»*. Это позволяет сделать вывод, что Боборыкин выехал из Выборга после 2 января, после прибытия туда Пристальцева. Боборыкин добавлял, что Киприан и другие послы речей Томилы Остальцева не послушали и отказались целовать крест королю: *«хотя-де и всем помереть, а королю им креста не целовать»*. На вопрос Боборыкина митрополит Исидор и боярин Одоевский и новгородцы *«всякие люди»* отвечали, что они с Томилом Остальцевым послам *«не приказывали, и умышленья у них о том нет, что им королю целовать крест, не бывало»*. Я. Боборыкин рассказывал об Остальцеве и Делагарди и спросил шведского фельдмаршала *«про то он, Яков (Делагарди. – Г. 3.), целованье ведает ли?»* Делагарди отвечал, что он *«про то целованье то первое от нево (Боборыкина. – Г. 3.) и слышит»* и обещался проведать об этом целованьи у митрополита и у воеводы и у других новгородцев.

Мы доверяем рассказу Филатова. Но следует подчеркнуть, что если ответ митрополита, боярина Одоевского и других новгородцев Я. Боборыкину был искренним, то ответ Делагарди был, наоборот, не искренним. Делагарди, несомненно, знал инструкцию Густава II Адольфа шведским комиссарам в Выборге 18 июня 1613 г., где говорилось об унии Новгорода со Швецией (см. выше. – Г. 3.). Нам представляется, что расспросы Делагарди послужили поводом для публичного выступления Делагарди с предложением унии, тем более, что 22 января Делагарди получил письмо о том же от Индрика Горна из Выборга.

В наших руках нет данных, позволяющих выяснить роль Боборыкина на собрании 25 (26) января 1614 г. Мы не можем сказать, присутствовал ли он на нем и выступил ли. Одно нам кажется вероятным: по приезду в Новгород Боборыкин осведомил новгородские власти о планах шведов привести новгородцев к присяге на имя короля; они могли

³⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614. Д. 1; 1616. Д. 12. Биографическая справка о Я. Боборыкине дана во II очерке диссертации. См.: *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 г. (публикация) // Новгородский исторический сборник: Сб. науч. тр. / Сост. Э. А. Гордиенко; редкол.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др.; С.-Петербург. ин-т истории РАН. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 430–489.

обсудить вопрос об унии до собрания 25 (26) января 1614 г., могли подготовиться и выступить на собрании организованно.

Как реагировали Делагарди и Эверт Горн на отказ новгородцев от унии со Швецией? По рассказу Филатова, *«Яков Пунтосов сказал: покаместа что вделяетца и они-де покамест от королевича не отставали»*³⁶. Можно добавить к этому, что в документах мы не находим следов репрессий со стороны шведов по отношению к новгородцам, отказавшимся от унии. Делагарди действовал, как ему советовал Генрик Горн.

Твердость новгородцев в вопросе об унии со Швецией не заставила все же шведов отказаться от этой меры. Попытки их осуществить унию продолжаются в течение всего 1614 г. и в первой половине 1615 г. Чтобы правильно понять события, нам необходимо не упускать из виду обстановку и, в частности, связи новгородцев с Москвой. К слову сказать, в русской исторической литературе эти связи оставались без внимания³⁷.

Начнем с того, что делают московские воеводы с отписками Делагарди и новгородских властей? Как полагалось, воеводы отправили их в Москву царю. 26 февраля 1614 г. из Москвы присланы были воеводам *«образцовые списки»*. Воеводы писали позднее царю: *«Февраля, государь, в 26 день (1614 г. – Г. 3.) письмо от тебя... к нам, холопом твоим, из Посольского приказу с Терехом Шатерниковым, и присланы с ним к холопом твоим образцовые списки, каковы нам от себя послати в Новгород к митрополиту Исидору и к боярину (ко) князю Ивану Одоевскому и ко всяким людям и к Якову Пунтусову против тех грамот, каковы он к нам, холопом твоим, прислал с Васильем Молотеиным»*³⁸. К сожалению, не можем сказать ничего ни о содержании образцовых списков, ни о том, когда были отправлены воеводами грамоты в Новгород. В начале марта 1614 г. приехал к Д. Т. Трубецкому в полки новгородский посадский человек Иван Филатов сын Железников.

Кому принадлежит инициатива присылки Филатова? В своей челобитной царю Михаилу Яков Боборыкин заявляет, что он, *«тоговоря с новгородцами, митрополитом Исидором послал ноугородца посадского человека Ивана Филатова от митрополита и от боярина и ото всех чинов людей Ноугороцкого государства з грамоты»*³⁹. Несколько иначе дело рисуется в записи расспросных речей Ивана Филатова. Здесь указывается, что *«приговоря, Исидор митрополит з боярином со князем Иваном Никитичем Одоевским и со дворяны и со всякими людьми Ноугороцкого государства»* послал к Якову Пунтусову *«говорити»* дво-

³⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

³⁷ Примером может служить работа В. А. Фигаровского. См.: НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938.

³⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

³⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. Д. 12.

рянина Якова Боборыкина с товарищи, чтобы Яков Пунтус позволил им писать к царю. Оставляя вопрос о том, принадлежала ли инициатива посылки Филатова Я. Боборыкину, открытым, мы все же признаем, что Я. Боборыкин принимал участие в деле посылки Филатова к Д. Т. Трубецкому, допускаем вполне, *«что Яков Боборыкин приказывал с тем посадским человеком с Иваном Филатовым многие вести, служа государю»*.

Когда был отправлен Филатов из Новгорода? В речах Филатова находим два указания на это. Филатов рассказывает, что под *«Печерским монастырем Муксоловила и Карбеля государевы люди... побили... и с того бою на сборное воскресенье Муксоловил пришел в Новгород при нем Иване с невеликими людьми»*. Сборное воскресенье, или неделя христьявления православия, в 1614 году приходилось на 13 марта, так как Пасха была поздняя – 24 апреля. Другое, более неопределенное указание на время приезда Филатова в полки московских воевод находим в его заявлении при допросе, что *«королевич из Выборга пошел в Свюю во свои города тому недель с семь»*. Известно, что королевич отправился из Выборга 17 января 1614 г. Выходит, что Иван Филатов выехал из Новгорода в половине марта 1614 г.

С Филатовым послана была грамота *«Московского государства господам воеводам и всяких чинов служилым людям, которые стоят в Ноугороцком уезде на Московской дороге»* (РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1. Л. 4 об). Она сохранилась. Имена воевод в грамоте не указаны, как будто о них не знают.

В начале грамоты читаем (Л. 4): *«Ноугороцкого государств[а] богомолец преосвященный Исидор митрополит и игумены и протопопы, и попы, и дьяконы, и весь освященный собор бога молят, и челом бьют, да Ива[н] Большой Одоевской и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и приказные люди, и гости, и пятиконецкие старосты, и торговые посадцкие и всяких чинов служилые и жилиецкие люди всего Ноуго[родцкого] государства челом бьют»*. Обращает внимание на себя здесь то, что у Одоевского нет титула *«бояре и воевода князь»*, затем упоминание о дьяконах. Возьмем на заметку эти отклонения, они нам пригодятся в дальнейшем.

Содержание грамоты таково:

В текущем 122 (1613) г. митрополит и князь Одоевский писали из Новгорода с посланным Д. Т. Трубецкого о воинских делах. Однако до сих пор ответа на письмо нет. Ныне *«Московского государства воеводы и ратные люди»* стоят в Новгородском уезде на Московской дороге, чинят задоры с немецкими и с новгородскими ратными людьми, опустошают Новгородский уезд и *«напрасное кровопролитие всчинают»*. Забыли, пишут из Новгорода, *«наше прежнее природное попечение о вас когда было московское государство во утеснении от литовских людей, а Московского государства бояре и воеводы стояли под*

Москвою и ссылались в Новгород королевского величества з боярином и большим ратным воеводою с Яковом Пунтусовичем о государем нашим (sic! – Г. 3.) о королевиче пресветлейшем и высокорожденном великом князе Карлусе Филиппе Карлусовиче, как мы в те поры [королевского] величества боярину били челом и упрашивали, чтобы на] вас своих ратных людей не посылал [и вашему про]мыслу над литовскими людьми пом[еиши] (Л. 5) не учинил». Делаярди тогда «с Московским государством никоторого задору не учинил». Ныне, наоборот, московские воеводы «навели» на новгородцев (Л. 5) «королевского величества великого боярина (sic! – Г. 3.) и немецких ратных людей мнение» (подозрение), будто они пришли по совету и по ссылке с новгородцами. Из-за этого новгородцы «по всяк час» ждут гибели Новгородского государства, а «себе до сущих младенцев посечения», как это случалось раньше в Московском государстве «при литовских людях». Видя «свою конечную погибель» и рассуждая которым обычаем и отчего наперед сего при литовских людех Московское государство погибнет (sic! – Г. 3.), «не хотя Ноугородцкое государство в таком-же разорении и церквей божских в запустении и многие невинные души в посечении видети», новгородцы просили у Делаярди разрешения сослаться с московскими воеводами («били челом королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтусовичю, чтоб над нами смиловался – мнения бы на нас не имел и поволит бы нам с вами ~~Послать~~ разрешение, они посылают с грамотой Ивана Филатова. Пусть воеводы сошлются с Делаярди через послов или посланников, «(Л. 5) чем бы такое напрасное кровопролит[ие] отвратити и мирное постановление получить. А буд[ет] у вас от государя вашего (sic! – Г. 3.) о том указу нет, чтоб сослаться, и вам бы к нам отписати с тем же нашим посланным и дати б (далее утрачена четверть строки – ок. 11 букв. – А. М.) [вам ... прав]ое свое обещанье, что в[а]м [на]ших посланников, которых мы в[перед] (Л. 6) учнем ко государю вашему (sic! – Г. 3.) посылати, не задержати, дати им дорогу к Москве и с Москвы без задержань[я] и на Москве б их не задержати». Новгородцы обещают послать «посланников о земских делех» к царю в Москву.

В заключение говорится, что если воеводы не пришлют к Делаярди своих послов или посланников «о добром деле», задержат Филатова, не дадут ответа, «и котор[ая] невинная кровь через того прольетца», то эту кровь бог взыщет на воеводах и на их детях (и тое невинную кровь взыщет праведный судья Бог на вас и на чадех ваших). Пусть же воеводы дадут ответ с Филатовым⁴⁰.

Считаем решительно необходимым остановиться на вопросе – как составлялась грамота? По рассказу Андрея Хирина (о нем см. ниже. – Г. 3.), Иван Филатов передавал в Москве «боярам»: «что были они,

⁴⁰ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

Исидор митрополит и всяких чинов люди Новгородского государства, написали грамоту ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси с его государским именем и с подлинным титулом, и ту-де... грамоту взял толмач Анцэ Бракилев, и переписал по Яковлеву приказу Пунтосова по своему умыслу... и переписывали-де ее множижде, а переписав ту грамоту по-своему, Яков Пунтусов прислал к нему, Исидору митрополиту, и он-де Исидор митрополит, вычитчи тое грамоту, говорил, что та грамота написана... не по тому, как они писали, и, великою-де неволею ту грамоту запечатав, дал Ивану и приказывал Ивану, велел ему бити челом царского величества боярину и воеводам, кому он ту грамоту даст, что на него, Исидора Митрополита, не подосадовали: запечатал он ту грамоту неволею; а писана так не по их уставу»⁴¹.

Передаем рассказ Хирина по царской грамоте. В расспросе Иван Филатов показывал: *«а как-де Яков Пунтусов с той грамотою его, Ивана, отпустил и, отпущаячи ево, Яков говорил: где он, Иван, будет с тою грамотою у государевых людей, и государевы-б люди против тое нашия грамоты отповедь ему учинили. И будет государевы люди с ним, Иваном, отповеди не учинят, и на нево-б де, Якова, в те поры не пеняли, что он, Яков, учинит над Новым городом»*. Из этих слов ясно, что Делагарди принимал участие в отправлении Ив. Филатова в московские полки.

Некоторые внешние особенности (новгородской) грамоты, как, например, отсутствие собственных имен русских воевод в грамоте, затем мысли, развиваемые в ней, – например, что *«наперед сего при литовских людях Московское государство погигло»*, наконец, полное совпадение желания Делагарди получить ответ (о чем свидетельствует Филатов. – Г. З.) с требованием ответа в грамоте, – все это заставляет думать, что рассказ Филатова о процессе исправления грамоты шведами заслуживает доверия. Подобные случаи встречались в Новгороде при Горне в том же 1614 г. Не лишнее подчеркнуть, что Филатов, рассказывая о поведении митрополита Исидора, умалчивает о поведении воеводы И. Н. Одоевского.

Решение вопроса, как составлялась грамота, приводит к заключению, что посылку Филатова из Новгорода необходимо рассматривать как средство шведов завести сношения с Московским государством. Это вполне отвечало настроению Делагарди: мы уже упоминали, что рапортом 16 января 1614 г. он стремился склонить короля к миру с русскими и даже писал в Москву.

Последуем теперь за Филатовым. О путешествии его из Новгорода до места расположения московской рати нам ничего не известно. В московские полки Филатов прибыл в середине марта. В полках Филато-

⁴¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

ва расспросили, а затем его самого и его *«расспросные речи с Павлом Арбузовым послали»* в Москву. В Москву Филатов приехал 25 марта. Здесь Филатова подвергли новому допросу.

Что же рассказывал Филатов? До нас дошел лишь отрывок его расспросных речей. Филатов сообщил о неудаче шведов под Рамышевским острогом, под Печерами (у Пскова. — Г. 3.), под Гдовом; о том, как Эверт Горн из-под Гдова пошел к Ивангороду, а оттуда вместе с братом, Индриком Горном, отправился в Выборг; об отъезде Карла Филиппа из Выборга в Швецию, но особенно подробно он рассказал о предложении Делагарди и Эверта Горна унии Новгорода со Швецией, правда, не указывая дня, когда это предложение было сделано.

Обращает на себя внимание, в каком выгодном свете представлены новгородцы: *«Исидор митрополит, и власти, и всяких чинов люди Новгородского государства все Якову Пунтусову с великим шумом отказали, что им всем хотя помереть, а королю креста не целовати, а от Московского государства от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси отлученным им не быти»*. В дальнейшем Филатов сообщил, что хотя в Новгороде к Делагарди приезжали литовские посланники, фельдмаршал все же говорил, *«что ему с литовскими по смерть не миритца»*, *«а миритца-де ему, Якову, с Московским государством»*. С Данией шведский король *«помирися»*, а помирился ли с польским королем, того он не знает. Немецких людей в Новгороде у Делагарди всех конных и пеших до 4000. В заключение Филатов сообщил, сколько взяли шведы денег *«с Филипова заговейна»* (т. е. с 14 ноября 1613 г. — Г. 3.). Отметим, что рассказ Филатова об отказе новгородцев от унии повторен в точности Андреем Хириным: *«и он-же, Исидор митрополит, и воеводы и всяких чинов люди Новгородского государства Якову Пунтусову с великим шумом отказали, что им всем хотя помереть, а королю креста не целовать, а от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси и от Московского государства отлучным им не быти»*⁴².

Наше внимание привлекает особенно рассказ об унии. В. А. Фигаровский принимает его за чистую монету. По заключению, *«новгородцы, отказывая Густаву под предлогом верности Карлу Филиппу, тем самым голосовали за Москву»*⁴³.

Мы обращаем внимание на два момента:

1) запись расспросных речей Филатова производилась московским дьяком или подьячим; этим приказным людям было в привычку писать полностью титул царя, они, вероятно, внесли титул и в запись речей Филатова;

⁴² РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

⁴³ НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 71–72.

2) с Филатовым передать вести приказывал Яков Боборыкин, ярый сторонник сближения с Москвой.

По этим причинам мы не можем считать речи Филатова безупречным отражением настроения *всех* слоев новгородского общества; думаем, что в начале 1614 года новгородцы еще не отказались от договора 25 июля 1611 г.

По ознакомлении с речами Ивана Филатова царское правительство уже 29 марта предписывает воеводам *«послатъ от себя в Новгород к митрополиту и ко всяким людям сына боярского»*, рязанца Андрея Васильевича Хирина; вместе с Хириным оно отпускает назад в Новгород и Ивана Филатова. С Андреем Хириным прислан был из Москвы образцовый список грамоты, какую воеводы должны были отправить в Новгород. В наших руках нет этого образцового списка грамоты. О содержании грамоты, посланной Д. Т. Трубецким и Д. И. Мезецким, судим лишь по отписке воевод царю, привезенной арзамасцем Гавриилом Хохловым 28 апреля 1614 г. Царь предписывал, что если Делagarди захочет с царем и его воеводами *«послов своих или посланников о добрых делах послати»*, то воеводы должны с фельдмаршалом *«сослатись»*.

Представляются интересными наказ и память, данные Андрею Хирину: они помогают понять и позицию царского правительства, и его виды. Уже по этому одному следует с ним познакомиться.

Начнем с наказа. Воеводам вменялось в обязанность отпустить Хирина и Филатова вместе в Новгород и велеть проводить их, *«до коих мест пригоже, чтоб им от русских и от немецких ратных людей приехати здорово»*. А как воеводы отпускают Хирина и Филатова в Новгород, *«и Андрею ехати в Нов город потому — и бережно, чтоб ему ото всех людей проехати здорово и тому мужику, Ивану, отставати от себя не велети-жс. А жесточи никаких тому мужику не делати, говорити с ним гладко и обнадешивать его государевым жалованием и почесть ему во всем чинити и поити и кормити его с собою, чтоб ему то было незнатно»*.

По приезде в Новгород Андрей Хирин должен был сказать Ивану Филатову, чтобы тот ехал с ним *«прямо к митрополиту»*.

Почему к митрополиту? А где воевода И. Н. Одоевский? Мы уже подчеркивали раньше, что И. Филатов выдвигает в рассказах митрополита Исидора, а об Одоевском молчит. Царское правительство действует, конечно, на основании полученных от Филатова сведений. Тут невольно возникает вопрос, не начал ли митрополит Исидор проявлять тяготение в сторону Москвы? Во всяком случае, можно предположить, что партия сторонников Москвы в Новгороде, насчитывавшая в своих рядах в первое время немногих (вроде Я. Боборыкина. — Г. З.), видимо, стала расти.

Если же случится, что *«немцы»* поведут его к Делagarди, тогда Хирин должен сказать: прислал митрополит Исидор и весь освященный

собор и князь Иван Одоевский и всяких чинов люди к Д. Т. Трубецкому с товарищами Ив[ана] Филатова и с ним грамоту. В ответ на нее Д. Т. Трубецкой послал с ним, Хириным, свою грамоту и велел отдать ее митрополиту; к Делагарди же грамоты и *«приказу»* никакого у него, Хирина, нет; пусть его отведут к митрополиту. Если Хирина в этом откажут и заявят, что *«не быв ему у Якова (Делагарди. — Г. 3.), у митрополита не быти»*, тогда Хирин, *«стояв за то накрепко и говорив всякими мерами»*, должен идти к Делагарди (1 случай. — Г. 3.). Если Делагарди спросит, к кому и от кого он, Хирин, прислан, тогда отвечать в соответствии с наказом. Если Делагарди будет просить грамоты, то Андрею на это возразить, что Д. Трубецкой с товарищами велел отдать их митрополиту. Если Делагарди *«упрямится сказывать, что делается лучшее»*.

Если Андрея будут спрашивать о количестве войска Д. Трубецкого, Андрею отвечать, что с Д. Трубецким теперь больше 50 000, сверх тех, которые были в Тихвине, под Старой Руссою и *«то иным местам»*; из тех мест конным людям *«велено идти под Новгород же»*.

Если Андрею придется быть у митрополита и у всего собора и у князя Ив[ана] Одоевского, *«а при них тут будут немецкие люди или Яков Пунтусов сам»* (2 случай. — Г. 3.), в таком случае подать митрополиту грамоту, *«а поклону не править и ничего не говорить»*; если же его спросят, *«есть-ли с ним приказ речью»*, тогда сказать, что приказу нет, все написано в грамоте и тут же просить, чтобы его отпустили, не задержав, и против грамоты с ним отписали и *«проводити-б его послали»*.

Но если Андрею придется быть у митрополита *«или где с митрополитом видется, а наедине, или будеи московским говорити, и без немецких людей и без Яковлевых советников, которые (т. е. «московские люди». — Г. 3.) Московскому и Новгородскому государству добра хотят»* (3 случай. — Г. 3), тогда Андрею *«править митрополиту от бояр челобитье тайно»* и говорить, что бояре велели их спросить о здоровье и сказать митрополиту и всех чинов людям *«царского величества отчины великого Нова города»* царскую милость, что царь, видя новгородцев в плену, жалеет; *«а которые статьи в грамоте»* к ним от Трубецкого с товарищами *«писаны жестоки, и то писано для Якова (Делагарди. — Г. 3.), чтоб великого Нова города... всяким людям иссечения не было, и они-б того не опасались, на царскую милость были надежны»*.

После этого Андрей должен был передать, что рассказывал Иван Филатов, и сказать, что если все это правда, *«что Иван Филатов сказывал»*, государь, *«слыша их раденье»*, что они ищут к себе царского жалования и от него (государя. — Г. 3.) и от Московского государства *«отстать не хотят»*, их *«похваляет»*. Пусть они стараются (как и мы) о том, *«как бы им ото врагов быти свободным»*; все государевы бояре и воеводы будут *«промышляти с своей стороны, сколько милосердной бог помочи подаст»*. В заключение Хирин должен был просить, чтобы его отпустили *«не задержав»*, и в ответ на грамоту с ним написали, *«а о*

тайном деле, что нельзя писать, о том бы с ним митрополит словом наказал подлинно», а он (Хирин. — Г. 3.) это все царского величества боярам расскажет, а бояре донесут до царского величества, и у царского величества его (митрополита. — Г. 3.) служба и радение в забвении не будет. Что же касается того, «чтобы обослаться с Яковом Пунтосовым», то «это дело не статочное»: известно им, что при прежних государях шведские короли ссылались «и перемирье и dokonчанье» делали с новгородскими наместниками. Как же ссылаться царю с Делагарди? А «которые дела меж государей настоят», пусть «свейский Адольф король шлет к государю своих послов или посланников», а Делагарди пусть от себя шлет к Д. Трубецкому.

Таков наказ, данный Хирину. Помимо его, Хирину была дана еще памятка. В ней указывалось, что должен был разведать в Новгороде Хирин. Если Як[ов] Боборыкин скажет, что то, что передавал Ив[ан] Филатов, он Яков, действительно приказывал ему, то Андрей говорит, что Боборыкин государю «службу свою показал, рассказал ему (Андрею. — Г. 3.) подлинные по Яковлеву мысль (Делагарди. — Г. 3.)»: «Что Яковлево умышление? Зачем из Нова города нейдет: король-ли ему не велит или своею волею мимо королевского наказа в Новгороде сидит? И долго-ль его житья в Нове городе чаять? И впредь из Нове города идти хочет-ли или хочет сидеть и с государевыми людьями биться? А будет хочет с государевыми бояры и воеводами обсылаться, и о каких делах хочет ссылаться? На какове мере из Нова города Яков хочет идти? И как ныне свейский король с польским, в какове мере и чего вперед чаять?».

Вот что интересовало Московское правительство. Выведать все это Андрей Хирин должен был не только у Як[ова] Боборыкина. Нет, Андрею поручалось в Новгороде «проведывати всякими мерами у всяких людей, у ково мочна, в ком почает правды: что Якова Пунтусова мысль: хочет-ли из Нова города идти, не дожидаяся государевых бояр и воевод с ратными людьями, или хочет в Нове городе сидети в осаде? И будет хочет сидети в осаде, и в обеих ли городах хочет сидети или в одном Каменном городе? И сколько с Яковым в Нове городе всяких ратных людей, сколько свейских и сколько иных земель наемных, и каковы люди, и запасны-ль хлебными и всякими съестными запасы? Русские люди в Нове городе царскому жалованью жадны ль и радуют ли о том, чтобы им быти под государевой рукою, и чают ли их промыслу над немецкими людьями с государевыми ратными людьями, как государевы бояре и воеводы придут под Новгород? И прибыльных людей из Свеи или из литовских городов к Якову на помочь не чают-ли? И сколько немецких ратных людей в Ноугороцких пригородах порознь, сколько в котором городе, которые за немцы? И как ныне свейский король с польским королем: мирны-ль или меж ими война? И будут мирны, и сколь давно помирились и на чем помирились и чего вперед меж их чаять, и

на чем положили о Московском государстве? И где ныне свейской Адольф король и брат его Филипп королевич? И не наймут-ли из которых земель ратных людей? И присылка их свейского короля в Нове город к Якову Пунтусову была-ли? И будет была, и хто приезжал, и о чем: король-ли Якову не велит из Нова города идти, или сам Яков мимо королев указ из Нова города нейдет? И что говорят немецкие люди про государевых ратных людей в Нове городе: сидеть хотят-ли или страшиться и хотят идти прочь? И кто из новгородских изо всяких людей промышляет государю и хто Якову (Пунтусову? – Г. 3.) и кого из русских больши... (Яков? – Г. 3.) слушает и верит? Того ему (Хирину. – Г. 3.) однолично проведать подлинно. И о всяких вестях проведывати, что годно государю и государству Московскому?».

Отправление Хирина в Новгород «для вестей» показывает, что царское правительство недоверчиво относилось к новгородцам. Оно проверяет прежде, чем принять то или другое решение.

Последуем теперь за Хириным. Как видно из отписки воевод к царю от 28 апреля 1614 г., Хирин приехал к ним 8 апреля. На другой же день (9 апреля. – Г. 3.) воеводы проводили его и Филатова в Новгород. Нам не встретилось источников, которые позволили бы детально осветить путешествие Хирина и пребывание его в Новгороде. Из дела Як[ова] Боборыкина мы все же знаем, что в бытность А. Хирина в Новгороде «Боборыкин имал его к себе на подворье тайно многижда и о государеве деле радел, про всякие вести ему рассказывал». А. Хирин вернулся из Новгорода в полки к московским воеводам 22 апреля. Отметим, что за службу Хирина (как и Молотяинова. – Г. 3.) пожаловали: «Как они из Новагорода приехали, и придано им за тое службу государева жалованья помесного окладу к прежним их окладом: Ондрию к 550 четьям 100 четьи, денег к четвертному жалованью к 27 рублем 7 рублев». Сверх того «Хирину дано за изрон, что его громили казаки, 10 рублев»⁴⁴. Награждение Хирина доказывает, что поручение, данное ему Московским правительством, было выполнено успешно.

А. Хирин доставил из Новгорода грамоту «от митрополита Исидора и ото всего священнова собору и боярина князя Ивана Большово Одоевского и ото всех чинов великого Нова города». Она не найдена. Д. Трубецкой и Д. Мезецкий в отписке царю, привезенной 12 мая 122 (1614) г. суздальцем Путилом Козловым, отмечали, что в грамоте, доставленной Хириным, царского «полного имени не отписано, и ныне непригожие слова писаны». Вместе с тем воеводы сообщали, что в грамоте писано и «о послах»: если царь позволит сослаться со шведским королем «послы или посланники» и назначит место съезда, то «Адольфа короля свейского послы будут на то-ж место».

⁴⁴ Сб. РИО. Т. 142. С. 582.

В той же отписке находим и запись сообщений Хирина. Митрополит Исидор, освященный собор, боярин И. Н. Одоевский и всяких чинов люди приказывали Хирину просить, чтобы царь *«опалы своей на них не положил»* за то, что в грамоте *«царского имени сполна не описано и невежливые слова писаны»*: *«писана та грамота по Яковлеву велению Пунтусова, а не по их хотенью»*; они все слушают и радеют во всем царю: *«радеют все твоей царской милости, чтобы им быти и под твоею царской высокою рукою»*. Ниже они просят ссылку *«учинити»* со шведским королем. Если ссылки и договора не будет, в таком случае им всем быть побитым от шведов, а Новгороду *«быть раззорену до основания»*. Митрополит Исидор, князь И. Одоевский и другие новгородские люди просили московских воевод, пока у них нет от царя указа, не начинать кровопролития с немецкими людьми. В свою очередь Я. Боборыкин говорил Андрею, что *«он подлинно ведает»*, что Яков Деллагарди хочет мириться с царем и потому написал воеводам, что шведские послы будут на съездах в том месте, какое назначит царь. Равным образом, *«немецкий толмач»* Анца Бракилев, сидя у Якова Боборыкина, спрашивал Хирина, почему московские воеводы ни о чем не напишут Деллагарди? Последний *«подлинно рад ссылке и миру»*, готов сделать *«как угодно»* царю, но без договора ему (Деллагарди. – Г. 3.) из Новгорода *«не хаживати, а битца»* с царской ратью. Наконец, сказывали Хирину в Новгороде *«дворяне и дети боярские и торговые люди»*, что *«подлинной у короля о том приговор и к Якову Путусову»* о том писал, что *«с царем хочет миритца»*, а *«быти на съезде в послах Ивену Горну»*⁴⁵.

Как отнестись к речам Хирина? Сообщение о желании шведов и новгородцев завести переговоры с русскими о мире у нас не вызывает сомнений. Более скептически мы относимся к сообщению, что в Новгороде все желают быть под властью Московского царя. Эти сведения Хирин почерпнул, наверное, у Якова Боборыкина, который *«имел его»* (Хирина. – Г. 3.) *к себе на подворье тайно многижды»* (см. выше. – Г. 3.). Таким образом, источник сведений Филатова и Хирина один. Не исключена возможность, что Я. Боборыкин приукрашивает действительность.

Грамоту новгородских властей и самого Хирина воеводы отправили в Москву. О приезде Хирина из Новгорода в полки в Москве знали уже 12 мая, однако, сам он прибыл в Москву, по-видимому, позднее.

⁴⁵ В Сб. НОЛД (Вып. V. Новгород, 1911. С. 36–37) напечатан мемориал Густава II Адольфа Эверту Горну, данный в Або 22 апреля 1614 г. Разумеется, Хирину, который 22 апреля 1614 г. уже вернулся из Новгорода в Московские полки, не могли рассказать об этом мемориале. Но можно думать, что перед тем, как дать мемориал, в Новгород написали Деллагарди, почему о предлагаемом поручении Горну и стало известно новгородцам.

Что же делает царское правительство? Еще 2 мая из Москвы посылают с переводчиком Елисеем Павловым воеводам два образцовых списка грамот, какие должны быть отправлены митрополиту Исидору и другим новгородцам, с одной стороны, Делагарди – с другой; кроме того, посылается воеводам статейный список, как *«сделати о ссылке с Яковом Пунтусовым»*. Образцовых списков в наших руках нет; возможно, что они погибли. Но статейный список сохранился, хотя и не полностью. Он является результатом обсуждения вопроса о ссылке со шведами в Боярской думе, что доказывается следующим заголовком: *«...и апреля в 29 день государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси з бояры сее отписки* (отписки воевод, присланной в Москву – *«122 (1614) апреля в 28 день»* с арзамасцем Гавриилом Хохловым. – Г. З.) *слушал и приговорили к боярину «ко князю Дмитрию Тимофеевичу с товарищи отписати».*

Статьейный список предусматривает несколько случаев.

Если Делагарди напишет Д. Т. Трубецкому с товарищами, что король хочет *«о добром деле и о покое хрестьянском слати к царю послов своих или посланников»*, и будет просить опасный лист на них, в таком случае воеводам говорить, что они сообщат об этом царю, а царь пришлет опасный лист вскоре. Если Делагарди будет просить опасный лист от воевод, пусть те пошлют его соответственно присланного воеводам образца.

Если Делагарди пожелает ссылаться с воеводами, а грамоты напишет без имени царя, но с именем короля; такие грамоты отсылать назад и говорить, что без царского именованья доброму делу не бывать. Если шведы скажут, *«что они и своего государя короля в листах не описуют»*, зачем же русским на этом настаивать, тогда воеводам отвечать: пусть шведы делают с королем, как хотят, но им, воеводам, без царского имени *«ничего не дельвати»*; воеводы должны отослать листы назад, но с листов переводы или списки и с разговорных речей записи *«прислати ко государю тотчас наскоро»*.

Если Делагарди напишет воеводам, что митрополит и весь Новгород и он, Яков, хотят слать к царю послов ото всего Великого Новгорода, пусть воеводы пропустят их в Москву. Если посланные придут в полки, тогда воеводам сперва расспросить, с чем посланные идут к царю; если они скажут, что идут *«бити челом»* царю, тогда воеводам пропустить посланных к Москве и *«приставов послати»*. Но если посланные не скажут, зачем идут в Москву, а будут просто проситься туда, в таком случае воеводы обязаны *«их про всякие вести распросити и о всяких делах с ними поговорити, чтоб у них проведати подлинно»*, с чем они *«ко государю к Москве хотят ехать»*, а затем написать царю; *«посланных-же велеть побыть в полках»*, поставить к ним приставов, а поставить их *«окроме Яковлевых посланных»*; к Москве и назад в Новгород без государева указа не отпускать.

Если Делаярди будет просить на своих посланных и посланных от Новгорода «закладов», тогда воеводам посланных и новгородцев принять и дать вместо них «заклады» либо из дворян, либо из детей боярских, *«смотря по людям, каковы люди от них в посланных будут»*. Посланных расспросить *«накрепко»*, *«с чем они присланы»*, грамоты взять, прочесть и давать ответы на них *«против сего статейного списка»*, выведать всякие вести, и о всем известить *«наскоро»* царя. Если посланные начнут вести переговоры, *«о которых великих делах»*, тогда воеводам сказать, что они отпишут с нарочным гонцом об этих делах царю.

Если новгородцы начнут просить закладов на себя *«мимо Якова»*, в таком случае закладов не давать, а заявить, что они — люди искони вечной царской отчины и им закладов давать не годится, если им нужно ехать к царю, пусть едут без закладов. Если новгородцы скажут, что прежние их посланные задержаны в Москве и до сих пор, отвечать на это, что посланные сами не захотели ехать назад. Иван Филатов пожелал вернуться, и его отпустили. Если поймали ходивших в Швецию архимандрита Никандра и других, *«и тех было как отпустить? Ходили они в Свейское государство и от Нова города, а мы их не посылавали»*. Впрочем, ныне *«тесноты им нет никоторой»*.

Если Делаярди напишет, что он посылает к Д. Трубецкому с товарищами от себя *«о добрых делах, чтобы кровь хрестыянская уняти и меж государей и государств мир и покой учинить»*, пусть воеводы пошлют вместо его посланных заклады на время, пока посланные Делаярди побудут у Д. Трубецкого, — в таком случае и воеводы *«Яковлевых посланных взять, а заклады в их место дать, смотря по ним»*, посланных расспросить обо всем, поставить в известность царя.

Если посланные начнут говорить о каких городах *«за наем или о заплате (по) найму, что служили царю Василию, или (о) бывших о которых о великих делах»*, то Д. Т. Трубецкому ответить, что они напишут об этом царю и, как царь укажет, так они и начнут делать, только думают, что пока Делаярди не выйдет со своими немецкими людьми из Новгорода и не велит вывести их из всех новгородских пригородов, доброму делу *«не статись»*. Что до посланных Делаярди, то тех *«держати у себя в великом бережении, чтобы им не было в полках и в Московском государстве никаких вестей не ведать»*.

Если Делаярди будет посылать от себя посланных к царю и будет просить воевод, тогда Д. Т. Трубецкому в этом отказать и посланных не принимать. Если посланные Делаярди или он сам напишут, чтобы воеводы *«не промышляли»* под Новгородом пока доброе дело делается, в таком случае отписать Делаярди и посланным его сказать, чтобы он, Делаярди, *«для покою хрестыянского из Нова города шол»* и из пригородов людей своих вывел; это будет началом доброго дела. Пока Делаярди из Новгорода не выйдет и из пригородов шведских людей не выведет, до тех пор *«никакое доброе дело и покой хрестыянской бытии не может»*.

Если Делагарди вознамерится ссылаться о добром деле с воеводами и пусть они за это время «*никаких задоров*» не допускают и над Новгородом не промышляют, тогда воеводам написать, чтобы фельдмаршал шел из Новгорода со всеми шведами в Швецию и вывел всех свейских людей из новгородских пригородов...⁴⁶.

Хотя остальная часть статейного списка утрачена, тем не менее, и на основании разобранной части можно сделать вывод, что и царское правительство (как и шведское. – Г. 3.) в начале 1614 года не относилось отрицательно к переговорам о мире со шведами.

Мало того, представляется возможным формулировать условия, на которых царское правительство склонилось вести переговоры:

- 1) сноситься лишь с королем, но не с Делагарди;
- 2) в грамотах обязательно должно быть написано сполна царское именование;
- 3) условием для переговоров является очищение шведами Новгорода и выведение шведских войск из новгородских пригородов.

Возможность переговоров с русскими о мире оказала влияние и на ход дела об унии Новгорода со Швецией. При создавшейся ситуации, когда вопрос о Новгороде должен был решаться двумя государствами, едва ли имело смысл добиваться решения вопроса об унии одними лишь новгородцами.

Стремление к миру выразилось не только в форме переписки. 2 июля 1614 года Д. Т. Трубецкой с товарищами извещал царя о съезде посланных из Новгорода Якова Боборыкина, Никифора Мещерского – с одной стороны, посланных от московских воевод И. М. Бутурлина, И. Н. Давыдова – с другой, состоявшемся 12 июня. Съезд был вызван начавшимися столкновениями русских и шведских войск. Дело в том, что 10 апреля воеводы послали перед собой на Бронницы стольника и воеводу Семена Вольнского с ратными людьми. С. Вольнский на Бронницах поставил острог «*и всякие крепости поделал*». У него начались частые стычки с противником. Из рассказов пленных («языков». – Г. 3.) и выходцев воеводам стало известно, что Делагарди велел из всех мест «*немецким людям быти к себе в Новгород*», а Самойлу Кобрину с его людьми и с черкасами приказал идти на Бронницы против Московской рати. «*Кобрин да Минхав*» (Cobron и Mönnichhofen. – Г. 3.) пришли с войском к Бронницам 12 мая. Войско перешло Мсту реку и приблизилось к русским укреплениям. Исак Погожев со своими ратными людьми вышел из острожка против шведов. Стычка кончилась тем, что русские «*Немец многих побили и языки поймали и Немецкие люди, отшед от них с версту, укрепясь стали*»⁴⁷.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1; Отписка белозерского воеводы Петра Чихачева в Ярославль о высылке дворян и детей боярских в поход против Шведов с

Это, видимо, вызвало в Новгороде крайнюю тревогу. Из Новгорода послали в Московские полки делегатов. Это были Я. М. Боборыкин и князь Никифор Мещерский. Известно, что в конце 1614 года и в начале 1615 г. эти лица выступают резко против унии Новгорода со Швецией, даже подвергаясь репрессиям со стороны шведов. В апреле 1615 года Э. Горн приговаривает их к высылке из Новгорода в Выборг⁴⁸. Это позволяет признать их, особенно Я. Боборыкина, сторонниками московской партии в Новгороде. И съезд, о котором идет сейчас речь, позволено рассматривать, как мероприятие именно этой партии. От Деллагарди у делегатов никакого приказа не было.

Как же съезд происходит? 12 июня шведский воевода Еган Минков (*Johan Mönnichhofen*. – Г. 3.) прислал к московским полкам на заставу весть о прибытии делегатов из Новгорода. Воеводы послали на заставу «от себя» муромца Степана Караулова и тверитина Афанасия Плюхина расспросить прибывших делегатов, от кого и по какому делу они присланы. Новгородские делегаты сообщили, что они посланы от «Сидора митрополита и от всего священного собора и от боярина от князя Ивана Одоевского и от всяких людей чинов Новгородского государства о добром деле», но о каком именно деле они присланы, они сказать никому не могут, кроме воевод. Они пытались было просить взамен себя закладов, но в этом им отказали: ведь они «государевы прирожденные холопы, а не иноземцы, люди русские, закладов за них давать не пригодится». Тогда делегаты попросили прислать к ним «на договор дворян добрых московских и иных дворян из городов». Воеводы послали Ив[ана] Матв[еевича] Бутурлина и Ив[ана] Никиф[оровича] Давыдова, «а с ними из городов дворян и детей боярских и атаманов».

На съезде делегаты заявили, что им поручено бить челом со слезами, чтобы воеводы сослались с Деллагарди, во избежание большого кровопролития. Деллагарди сам рад «зделати без крови», но у них от него приказа нет никакого. И. М. Бутурлин и Ив[ан] Ник[ифорович] Давыдов передали о переговорах воеводам. Выслушав сообщение И. М. Бутурлина и И. Н. Давыдова, воеводы велели сказать новгородским посланным, чтобы шведы не начинали задоров, пока воеводы не получат государева указа; сами они дадут такой же приказ. Кроме того, воеводы потребовали, чтобы в грамоте было написано полностью царское именование; грамот, в которых полного царского имени нет, они

боярином Дмитрием Трубецким. 1614, июня 23 // ДАИ. Т. 2, № 16. С. 35–36. См. также письмо Деллагарди к А. Оксеншерне. Переписка. С. 76–77 (на швед[ском] яз[ыке]). Rikskanslaren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling. Serare afdelningen, B. V: Jakob de la Gardies bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 76–77.

⁴⁸ См. очерк 2-й докторской диссертации. Замятин Г. А. Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 г. (публикация) // НИС. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 430–489.

не станут принимать. Делегаты просили разрешения съездить к Делагарди и к митрополиту. Что касается прекращения задоров, то Я. Боборыкин и Н. Мещерский ручались «за Яганов полк Мен(кова)», стоявший против русского острога, но не ручались за полк Самуила Коброна, стоящий за рекой Мстою. Воеводы на это заметили: *«то их готовая неправда, обман. Немецкие лица все посланы (от) Якова, Яган и Смойло Кобрин, а за одного имається, а за другою не имається»*. Новгородские делегаты заявили, что им нужно съездить к Делагарди, что тот укажет, с тем они приедут на Бронницы. На этом переговоры были прерваны. Делегаты уехали в Новгород. После того по 19 июня от них не было никакого известия ⁴⁹.

Между тем, события шли своим чередом. *«Тово-ж... числа в ночи после сговору немецкие люди к нам (пишут воеводы царю. – Г. З.), холопом твоим, на отходной острожек и более сотки приходили, а за рекою за Мстою Самойла Кобрин к нашему острожку приступал жестоким приступом. А воеводы и языки в расспросе нам, холопом твоим, сказывают, что Яков Пунтусов присылает о сговоре обманом, в те поры хочет промышляти»* (конца документа не хватает. – Г. З.).

Спустя месяц после описанного съезда, как известно, произошла у Бронниц битва между русскими и шведами. Судя по рапорту Делагарди королю от 23 июля 1614 года, главные силы Д. Т. Трубецкого начали отступать уже ночью 14 июля, затем московские ратные люди бросили шанцы к западу от Мсты, а 15 июля капитулировали. Тем не менее, Делагарди велел в пример другим убить целый гарнизон в 400 человек.

Остатки армии Трубецкого собрались у Торжка; между ними не прекращались внутренние распри. Мы не намерены входить в рассмотрение причин поражения московской рати. Остановимся лишь на последствиях.

После битвы под Бронницами ситуация резко изменилась. Московская рать – опора новгородцев – была разбита. Рушились и надежды на мирные переговоры между Московским государством и Швецией. У московской партии в Новгороде, казалось, не было перспектив. Шведская армия, наоборот, получила свободу действия. Густав II Адольф мог вернуться к своим захватническим планам ⁵⁰.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1; 1616 г. Д. 12.

⁵⁰ Sveriges krig 1611–1632 гг. В. I. Д. I. S. 466–467.

ГЛАВА П

Мы не ставим себе задачи – изобразить полностью отношения России и Швеции; мы останавливаемся лишь на борьбе за унию Новгорода со Швецией наподобие Люблинской унии Литвы с Польшей 1569 года. Попытаемся сначала обрисовать бегло положение Новгорода после поражения русских под Бронницами. Интересные указания находим в грамоте Густава II Адольфа из Ругодива в Новгород 28 сентября 1614 года. Приведем их дословно: *«В том вы (новгородцы. – Г. З.) зельно и накрепко жалуетесь на тот погибель и убыток, что за преступленья крестного целованья и отложенье Гдовских и Тихвинских изменников, також и от казаков и шишей, во многих местех, и от Московских людей, которые во многих же местех в розных статьях, у Ловоти реки и последнии на Московской дороге на Броннице стояли, вам Ноугородцкого государства людем стало, потому что оне Софейские вотчины и все пятаины и погосты высекли и выпустишили, и торговых всяких людей, кого заехали и которые торговать ездили, побивали, и тем обычаем заняли от Новгорода все дороги, и весь привоз и торговлю, от того вам всяким людем голод, бедность и нужда во всяком надобе стало; да и тутож покорно объявляете, что вы, по приказу боярина и воеводы Якова Пунтусовича Делаягарда, многую казну, деньги, в розных статьях и временах давали, да и воевод и приказных людей всякими запасы воздержали, от того вы стали в великой бедности и долгу»*⁵¹.

Из приведенной цитаты совершенно ясно становится, что:

1) в силу занятия русскими войсками всех дорог к Новгороду сократился подвоз продуктов в Новгород, получаемых из Московского государства, стала падать торговля, начал ощущаться продовольственный кризис;

2) трудное положение ухудшилось вследствие денежных поборов, взимаемых шведами;

3) на новгородцев выпала обязанность содержать «воевод и приказных людей всякими запасы». В итоге – экономический кризис.

Иллюстрацией этого кризиса могут служить следующие данные о ценах на продукты в Новгороде: *«122 (1614) года апреля в 22 день немчин Свицкой земли солдат Ягана Индрусова роты Юльбейтусов»* в распросе сказал, между прочим, что солдатам в Новгороде *«никакого корму взяти негде. А хлеб-де еще по зиме в Новегороде посадские люди меж себя покупали и продавали утая от немец и украдом ржи четверть в 60 алтын, а овса четверть в 20 алтын»*. Почти в то же время

⁵¹ Грамота Шведского короля Густава Адольфа Новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинам, в ответ на челобитную их об облегчении налогов. 1614, сентября 28 // ДАИ. Т. 2, № 24. С. 48–49.

выходец римлянин Павел Иванов, присланный из Пскова в Москву, в расспросе показывал, что немецким людям в Новгороде «голодно», пить-есть нечего, «и платья нет, а хлеб купят ржи четверть в рубль и больше»⁵².

Что до сборов, то мы имеем также данные. Иван Филатов в расспросе показал: «с Филиппова заговейна (14 ноября 1613 г.) Яков Пунтусов с новгородцев с посадских лиц взял на немецких ратных людей денег 14 000, да в корм и всякой обиход с Семена дня (1 сентября. – Г. З.) вышло с посаду и 15 000 рублей, а с митрополита и с монастырей всяко збора взял с Филиппова ж заговейна 7000 рублей денег, а ныне зборново воскресенья (в 1614 г. оно было 13 марта, так как Пасха была 24 апреля. – Г. З.) Яков Пунтусов приказал взяти с посаду-ж на корм немецким людям и на десять ден (на каждые 10 дней. – Г. З.) 1200 рублей и вперед хочет потому-ж корм збирати»⁵³.

В свою очередь приехавшие в 1615 году в Москву новгородские архимандрит Киприан, Я. Боборыкин и М. Муравьев показывали: «а как – деи стояли на Бронницах боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, и в те поры – де с Нова города с посаду взяли немцы 44 000 рублей, а что взяли с митрополита и с монастырей и с уезду, того ныне не ведают, а письмо-де всему тому в Нове городе есть, и у государя-де все то будет ведомо»⁵⁴.

Изучая историю попыток шведов вынудить Новгород к унии его со Швецией, после поражения русских у Бронниц, не нужно упускать из виду ухудшения экономического положения в Новгороде в связи с военными действиями.

Борьба за унию возобновилась непосредственно после победы под Бронницами. 31 июля Делагарди «в соборе ж говорил преосвященному Исидору митрополиту, и всему освященному собору, да боярину и воеводе о том же, что наперед сего говорил боярин Еверт Горн Карлусович», что предложил он еще 26 января 1614 г.

Нам неясен повод этой попытки шведского фельдмаршала. Мы ничего не знаем о доводах, которые приводил Делагарди в пользу унии, не знаем точно и о результатах. В. А. Фигаровский пишет: «По всей вероятности, ответ он (Делагарди. – Г. З.) получил тот же, что и в январе, так как затем по дороге в Нарву, встретив в Заречье возвращавшихся из Выборга Киприана и остальных членов посольства к короле-

⁵² Распросные речи выходца Римлянина Павла Иванова о положении войска Якова Пунтусова в Новгороде // Акты Московского государства, изданные Академией Наук (далее – АМГ) / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 82. С. 121; Отписка воевод Д. Т. Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Распросные речи языков // АМГ. Т. 1, № 78. С. 117.

⁵³ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. Д. 1.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. Д. 2.

вичу, Деллагарди передал через них письмо своему заместителю в Новгороде Мортенсону, в котором предлагал последнему заставить новгородцев присягнуть Густаву»⁵⁵.

Мы уже знаем, что В. А. Фигаровский излагает события, оставляя без внимания международную обстановку. Между тем игнорировать поражение московской рати под Бронницами никак нельзя. Можно думать, что это событие подействовало на новгородцев подавляюще. По нашему мнению, не исключена возможность, что новгородцы просили отсрочить унию, недаром Деллагарди в письме к Мортенсону настаивал, чтобы учинить *«Новгородцкого государства всяким людем ему Монше Мартыновичу отповедь вскоре»*. С точки зрения Фигаровского, утверждающего, что новгородцы уже дали ответ 31 июля, это требование Деллагарди отповеди непонятно. И, наоборот, оно понятно, если допустить, что ответа от новгородцев Деллагарди не получил. Это тем более вероятно, что ведь между 5–10 августа Деллагарди уехал к королю в Ругодив (Нарву. – Г. 3.). Уже 10 августа фельдмаршал поехал из Заречья в Копорье, *«вместе со князем Иваном Ивановичем»* (старший сын боярина Ивана Никитича Одоевского. – Г. 3.)⁵⁶. Помимо князя Ивана Ивановича, Деллагарди взял с собой в Ругодив к королю Якова Боборыкина.

Таким образом, партия сторонников Москвы в Новгороде лишилась одного из энергичных своих членов. Зачем взял Деллагарди в Ругодив Я. Боборыкина, видно из челобитной последнего царю в 1616 г. *«И в Ругодиве говорил ему (Боборыкину. – Г. 3.) Яков Пунтусов от короля о(бещаючи) многое его жалованье, чтоб ему королю крест целовати и всяких людей Ноугородцкого государства на то привести; а будет он (Боборыкин. – Г. 3.) того не учинит, и за то (грозил?) ему смертию; и в ответ-де перед королем, как он был у короля, и король говорил ему то-ж, что и Яков Пунтусов»*⁵⁷.

В Ругодиве король и Деллагарди хотели, что называется, обработать Я. Боборыкина, сделать его своим агентом и через него влиять на новгородцев, поступить так же, как королевские комиссары обработали в Выборге Томилу Пристальцова, взяв его по возвращении из Новгорода к себе в Вышегород. Однако это не удалось.

Кроме Я. Боборыкина, Деллагарди хотел использовать в своих интересах новгородских посланных, отпущенных из Выборга, во главе с Киприаном. Посланные встретились с Деллагарди на пути из Копорья в

⁵⁵ НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 72; Память Новгородским пятиконецким старостам об отобрании от жителей показаний, хотят ли они присягать на верность службы Шведскому королю Густаву Адольфу или оставаться при прежней присяге, данной ими брату его принцу Карлу Филиппу. 1614, август // ДАИ. Т. 2, № 20. С. 42.

⁵⁶ Письмо графа Деллагарди князю Ивану Одоевскому во время путешествия его из Новгорода в Ревель к королю Густаву Адольфу. 1614, августа 10 // ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41; ДАИ. Т. 2, № 20. С. 43.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616. Д. 12.

Новгород. Так как Делагарди поехал из Заречья в Копорье 10 августа, то надо думать, что встреча произошла позднее. 17 августа по одним данным, 15 августа – по другим посланные приехали уже в Новгород. При встрече Делагарди приказал архимандриту Киприану, дьяку Томиле Сергееву, гостю Первому Прокофьеву и Томиле Пристальцову по приезду в Новгород *«говорити преосвященному Исидору митрополиту, да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю, и всяких чинов людем Новгородцкого государства, чтоб всякие люди в Великом Новегороде, по прежним их бояр Якова Пунтусовича да Еверт Горна Карлусовича речем, для тишины и покоя хрестьянского, ныне, во время, целовали крест»* королю Густаву II Адольфу⁵⁸. Интересно, что приказ дается только четверым из посланных. Не означает ли это, что они оказались более послушными, более тянули в сторону шведов?

О Киприане и Томиле Пристальцове мы говорим это решительно. В общем, тактические приемы шведов выявляются достаточно хорошо: они удаляют из Новгорода одного из главных сторонников Москвы (Я. Боборыкина. – Г. 3.) и поручают агитировать за унию четверем, вероятно, больше всего склоняющимся на шведскую сторону из посланных в Выборг к королевичу.

Рассмотрим события в Новгороде. Приехав в Новгород, посланные начали агитировать за присягу шведскому королю, они передали, что им приказал Делагарди при встрече: *«Исидору митрополиту и всему освященному собору, да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю большому Одоевскому, и дворяном, и дьяком, и детям боярским, и приказным людем, и гостем и... пятиконетцким старостам»*⁵⁹. Нельзя, конечно, сделать заключения из приведенной цитаты, что агитация развернулась широко. А размах агитации наводит на мысль, что предприятие, задуманное шведами, приняло грандиозные размеры. Если 26 января 1614 г. Делагарди и Эверт Горн предлагали склонить к унии *«лучших»* людей, небольшое сравнительно количество людей (не забудем, что собор 26 января 1614 г. происходил у митрополита на дворе, где едва ли могло поместиться свыше 300–500 человек максимум. – Г. 3.), то теперь шведы задумали принудить к присяге на имя короля всех жителей Новгорода, *«Чтоб всякие люди в Новегороде... ныне, во время, целовали крест»* Густаву II Адольфу.

⁵⁸ ДАИ. Т. 2, № 20. С. 43; № 21. С. 44–47. В этих документах приезд Киприана и др. относится к 17 августа; на письме Делагарди воеводе Одоевскому имеется помета: *«122 августа в 15 день с архимандритом Спасским с Кипреяном»* (т. е. письмо получено в Новгороде. – Г. 3.). См.: ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41. Примечание публикатора: На самом деле встреча Делагарди с Киприаном произошла 9–10 августа, в Заречье, накануне отъезда Делагарди из Заречья в Копорье. См.: ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41: *«А встретил я (Делагарди. – Я. Р.) в Заречье архимандрита Спасского с Дворяны»*.

⁵⁹ ДАИ. Т. 2, № 20. С. 42.

Как же широкие планы были выполнены? Нельзя не пожалеть, что в наших руках нет предложения Делагарди, ни предложения Мортенсона⁶⁰. История предложения Мортенсона в русских документах передана кратко. Получив письмо от Делагарди с предписанием потребовать от новгородцев *«отповедь вскоре»* на предложение унии 31 июля, Мортенсон устроил 22 августа собрание (где, неизвестно. – Г. 3.). На нем были митрополит, весь освященный собор, боярин И. Н. Одоевский, дворяне, дьяки, дети боярские, приказные люди и пятиконецкие старосты. Содержание предложения Мортенсона следующее: Ссылаясь на письмо к нему Я. Делагарди, Мортенсон требовал, чтобы в Новгороде *«всяких чинов люди, будет хотят жити в тишине и в покое и быти оборонны королевским величеством, целовали бы крест»* королю. Собравшиеся, однако, *«у Мониее упросили сроку на том, чтоб о таком великом царственном деле посовестоватись с гостми и с земскими людьми, и взяти бы у всяких людей о том письмо, за их и за отцов их духовных руками»*⁶¹.

Таким лапидарным стилем описаны крупные события в Новгороде. Необходимо в них взглянуть пристальнее. По-видимому, состав собравшихся 22 августа 1614 г. был тот же, что и 26 января, но требования Мортенсона были шире: присягу на имя короля должны были принести *«в Великом Новегороде всяких чинов люди»*. В сложившейся к тому времени политической ситуации собравшиеся нашли единственно правильный выход – они стали просить отсрочки, чтобы в таком великом деле посовестоваться *«с гостми и с земскими людьми»*. Упоминание о гостях вызывает недоумение. Раз с ними хотят советоваться, ergo, их на собрании не было, об унии они не знали. Но хорошо известно, что гость Первой Прокофьев получил наряду с другими посланными из Новгорода в Выборг приказ от Делагарди внушать, чтобы всякие люди в Новгороде целовали крест королю. Может быть, гости, по роду своей деятельности, часто бывавшие в разъездах, не были на собрании, потому-то с ними и хотят советоваться. Не совсем ясно и упоминание о земских людях. Кого здесь разуместь? Не хотели ли посовестоваться с жителями слобод?

В том же августе пятиконецким старостам Докучаю Сласницину с товарищами была дана память, велено было *«допросити тотчас, не мешкая, о том в Великом Новегороде, во всех улицах и в слободах, у гостей и улицких старост, и у посадицких и жилиецких и у всяких людей»*: Густаву II Адольфу *«крест целовати оне всяких чинов люди хотят ли, или в прежнем крестном целованье хотят быти и служити потому»* Карлу Филиппу? *«Да кто что про то скажет, и пятиконецким старостам, во всех улицах и в слободах, и у улицких старост и у посадских*

⁶⁰ Они хранятся в Стокгольмском архиве.

⁶¹ ДАИ. Т. 2. № 20, 21.

жилицких людей, их речем, взяти памяти за их и за отцов их духовных руками да те памяти принести» к митрополиту и ко всему освященному собору, да к воеводе Одоевскому *«тотчас»*. Как прошел опрос пятиконецкими старостами жителей Новгорода и долго ли он продолжался, точных данных нет. В. А. Фигаровский ссылается на показания Киприана в Москве, но Киприан имеет в виду другой момент. В записи читаем: *«и они-де Эверт Горну (а не Мортенсону. – Г. 3.) о крестном целовании отказали, что им королю креста никоим обычаем не целовать и нас всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать, и все за женами и с малыми детьми причистились и к смерти были изготавились»*⁶².

Важно отметить, что в дело теперь были вовлечены широкие массы. Видимо, в результате опроса решено было обратиться с челобитной прямо к королю. Челобитная сохранилась. Точной даты на ней нет. Редактор П[ётр] ДАИ поставил в заголовке неопределенную дату: «1614 после августа». Шведские ученые констатируют, что челобитная датирована 1 сентября⁶³. Если принять эту дату (а считать ее неверной у нас нет оснований. – Г. 3.), тогда надо будет признать, что опрос жителей Новгорода пятиконецкими старостами продолжался недолго: с 23 по 31 августа. Можно допустить и то, что за короткий срок опросили лишь живущих в пределах городской черты, включая слободы.

Каково же содержание челобитной?

Челобитная идет от широких слоев *«Новгородцкого»* общества. В начале ее упоминается митрополит Исидор *«и архимарит и игумены, и протопопы, и попы и весь освященный собор, да боярин и воевода князь Иван бошой Одоевской, и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и приказные люди, потом гости, и пятиконецкие старосты, и торговые посадице и всяких чинов жилицкие люди»*.

В челобитной обращают на себя внимание пять пунктов.

1) Новгородцы указывают, что крестное целование (присяга. – Г. 3.) состоялось Карлу Филиппу, причем состоялось не только в Новгороде, но и в других городах: Орешке, Ладогe, Ивангороде; они заявляют, что и *«вперед»* они за королевича *«везде ради головы свои положити, нещадно, безо всякие хитрости»*.

2) Но как же быть с *«обереганьем»* Новгородского государства, с его обороной: ведь король обещает оборонять Новгород, если новгородцы принесут присягу на королевское имя? Новгородцы отвечают: *«в том волен Бог да великий государь наш королевич»*, как он договорится

⁶² НИС. Вып. III–IV. С. 73; РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

⁶³ Generalstabens. Sveriges krig 1611–1632. Bd 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 467; Челобитная Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов Шведскому королю Густаву Адольфу... 1614, после августа // ДАИ. Т. 2, № 21. С. 43.

с братом-королем и утвердит, а им, *«подданным холопом»* Карла Филиппа, *«о таком великом деле»* мимо своего государя-королевича *«договаривать и укрепляти не мочно»*; в Новгородском государстве и в них *«волен»* королевич. Они сами хотят иметь короля *«оборонителем, по утвержденным записем»*, вместо покойного Карла IX.

3) Если Карл Филипп не пожелал идти на Новгородское государство, а отправился в свои земли в Швеции, то в том *«воля его пресветлейшества, где он... в своей вотчине произволит быти»*; только они, согласно данной им присяги держатся королевича. Они умоляют, чтобы король приказал *«учинити»* *«всяких чинов людям Ноугородцкого государства по утвержденным записем»*, как договорился и укрепился с Новгородом Деллагарди (25 июля 1611 года. – Г. 3.) *«святым евангильем с клятвою и утвержденными записми»* за руками и за печатью, что было *«Ноугородцкого государства, и городов и уездов под Свейскую корону не подводити»*.

4) Новгородцы указывают, что из Новгорода многие отъезжают к *«ворам»*. Но ведь это делается не с *«ведома и думы»* новгородцев; и в других государствах бывают с одной стороны *«изменники»*, а с другой *«верные и справедливые люди»*.

5) Что до измены Владимирского и Московского государств, то это произошло не по совету новгородцев: *«мы с ними о таком непостоятельстве не ссыливались»*.

Челобитная свидетельствует, что Новгородские всяких чинов люди высказывались против унии со Швецией, они стремились сохранить в силе договор Новгорода с Деллагарди 25 июля 1611 года⁶⁴.

Во II очерке мы подробно рассмотрели имеющиеся под челобитной 29 подписей. Напомним здесь, что среди подписавшихся встречаем членов посольства в Выборг (Киприан, дьяк Томила Сергеев, Василий Трусов, Первушка Прокофьев, Томила Пристальцов и др.), но не находим подписи князя Никифора Мещерского. С другой стороны, в челобитной читаем: *«и про нашу, государь, прямую службу и раденье (Карлу Филиппу. – Г. 3.) ведомо вашего королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарду»*. Это позволяет высказать предположение, что при отправлении челобитной королю немалую роль играли сторонники Карла Филиппа.

Что до митрополита Исидора, выставляющего себя богомольцем шведского королевича, то, видимо, он поддался влиянию сторонников Карла Филиппа. Он отправил Густаву II Адольфу особое письмо, в котором жаловался на притеснения, причиняемые церкви. Этого письма в наших руках нет⁶⁵.

⁶⁴ ДАИ. Т. 2, № 21. С. 43–47.

⁶⁵ Sveriges krig 1611–1632. Bd I. S. 482.

Кто из новгородцев повез челобитную королю? По словам В. А. Фигаровского, «с этой челобитной поехал к королю в Выборг сын Ивана Никитича Одоевского Иван с дворянами»⁶⁶. В. А. Фигаровский допускает здесь две ошибки: 1) князь Иван Иванович поехал к королю вместе с Делагарди еще в начале августа 1614 г.⁶⁷ 2) грамоты незачем было посылать в Выборг: ведь король находился в Ругодиве. Мы не можем указать лиц, кто повез грамоты, но несомненно, что они были доставлены по адресу. Уже в последние дни сентября 1614 г. Густав II Адольф дал ответ на письма. Грамота новгородцам напечатана в ДАИ с датой 28 сентября 1614 г., грамота митрополиту сохранилась в шведском гос[ударственном] архиве в Стокгольме.

В грамоте новгородцам король совсем обходит молчанием вопрос об унии. Его внимание сосредоточено на тяжелом экономическом положении Новгорода. Король изображает дело так, что новгородцы принялись за «измену и непостоятельство подо Гдовом и Тихвиною», довели московских людей до того, что те начали войну со шведами. Старания Делагарди учинить мир ни к чему не привели. Таким образом, новгородцы могут сами видеть, что вины короля в том нет, что они ныне терпят. Хотя король и мог бы облегчить тяготы новгородцев, но *«то ныне еще дополна не уметь быти»*, пока москвичи и другие не прекратят войны. В военное время новгородцам необходимо *«помогать, чем свое отечество обороняти, и за то всякому по своей мочи и силы не щадити голов и именья своего»*. А чтобы новгородцы почувствовали милостивое внимание короля к ним, Густав II Адольф отпускает *«на время»* в Новгород вместо Делагарди Эверта Горна. Ему дан приказ, чтобы он *«пощадил»* новгородцев, *«сколко мочно и время подаст, до тех пор, как Господь Бог землю к миру и к соединению поможет»*. Тогда новгородцы на деле увидят *«королевскую великую милость и отеческое попечение»* о себе.

В ответ на жалобы на притеснения, причиненные церкви, король приводит пример из Библии: царь Давид ел в храме хлеба предложения. Духовенство не может быть более свободным от податей, чем другие. Известные льготы все же предоставлялись⁶⁸.

В итоге мы приходим к выводу, что низкопоклонничество перед королем, на что, видимо, толкали новгородцев сторонники Карла Филиппа (о героическом сопротивлении тут не может быть и речи. — Г. З.), не дало положительных результатов.

В октябре 1614 года прибыл в Новгород Эверт Горн. С его приездом в истории унии Новгорода со Швецией наступает новая полоса.

⁶⁶ НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 73.

⁶⁷ ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41.

⁶⁸ Грамота Шведского короля Густава Адольфа... 1614, сентября 28 // ДАИ. Т. 2, № 24. С. 48–49; Sveriges krig 1611–1632. Bd I. S. 482.

Это отметили в своих показаниях в Москве новгородские посланные. Они говорили: *«как был в Новгороде Яков Пунтус, и писал король к Якову Пунтусу о том же, что ему привести новгородцев ко кресту на его королевское имя, и Яков им о том говорил, и призвал Яков на то не столь жестоко, как ныне Эверт Горн»*⁶⁹.

С какими полномочиями приехал Горн к месту назначения? 4 октября 1614 г. король дал Эверту Горну, Эсперу Андерсону Круусу и Монсу Мортенсону Пальму полномочие и инструкцию о переговорах, о мире с русскими. Они должны отправиться на условленное место для съезда с надлежащей свитой («*comitat*»). – Г. 3.).

Когда приступят к переговорам, то комиссары должны начать с обстоятельного изложения помощи, какая оказана была шведским королем царю Василию Шуйскому, и указать, что русские своим непостоянством не только испортили добрые отношения, но, больше того, – оказались клятвопреступниками, они свели с престола царя Василия и выбрали сына польского короля, врага Швеции. После того король, согласно договора, дал им своего младшего брата, Карла Филиппа, в цари всего государства. Однако когда последний прибыл в Выборг, оказалось, что московские и владимирские люди отступили от договора, наметили себе другого в цари, напали на Новгород, словом, стали действовать, как открытые враги. Это было достаточным основанием, чтобы выступить против москвичей. Теперь, после победы при Бронницах, Гдове и других местах, а также после заключения мира с Польшею, король мог бы выбрать удобный момент для военных действий. Однако он поступает иначе: уполномочил упомянутых комиссаров заключить постоянный мир с русскими. Если по рассмотрении полномочий русских комиссары найдут их достаточными, они должны приступить к переговорам и предложить, чтобы русские на вечные времена отказались от всех прав на Новгородскую землю и передали ее Швеции навеки: ведь она *«совершенно оставленная москвичами, по своей собственной свободной воле отдалась под Наши и Шведского Королевства покровительство и защиту и затем присягнула и поклялась Нам, как своему истинному Государю и Королю, и признала себя на вечные времена присоединенной к Шведской Короне»*.

Если русские возразят, что новгородцы не имели права отдаваться под власть Швеции, в таком случае комиссары обязаны указать, что Новгород в старину был самостоятельным княжеством, имел своего князя, пока Москва силой не подчинила его себе. *«Это право, которое они (новгородцы. – Г. 3.) тогда имели присягнуть Московскому Великому Князю, имеют они и теперь присягнуть»* шведскому королю, который владеет ими *jure belli* (по праву войны. – Г. 3.). Король и в мысли не имеет снова выпустить из рук то, чем он владеет.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

Комиссары должны взять с собой на съезд нескольких новгородцев от каждого сословия с полномочиями от митрополита и всяких чинов людей на отказ от присяги Москве и для объявления, что они с этого дня желают на вечные времена оставаться под властью Швеции, как они *«добровольно клялись и присягали»*. За помощь, оказанную Карлом IX России, комиссары должны потребовать 50 бочонков золота полновесной государственной монетой. Эту сумму русские могут выплачивать в течение пяти или шести лет, но в таком случае Швеция должна получить в качестве залога Псков с принадлежащей ему областью.

Если русские уполномоченные отвергнут эти предложения, тогда шведские комиссары должны заявить, что они также отказываются от них, но при условии, если русские уступят Швеции на вечные времена Новгородскую землю с крепостью Гдовом и закрепят это грамотой и печатью. Если русские согласятся на эти условия, комиссары должны приготовить мирный договор и включить в него вышеупомянутые статьи. Договоры, заключенные в Тязвине (1595 г.) и в Выборге (1609 г.), должны быть возобновлены и подтверждены по всем статьям, *«насколько они могут быть согласованы с изменением границ обоих государств по настоящему трактату»*. Должно быть определено время для съезда уполномоченных с той и с другой стороны для проведения границ между государствами. Необходимо установить срок ратификации настоящего договора и время взаимопередачи его на границе.

В заключение король предписал комиссарам. Если русские не уступят Новгородскую область, а предложат несколько пограничных крепостей, которыми шведы уже владеют, — заявить, что у них нет других полномочий, и постараться заключить перемирие на три или четыре месяца, пока можно будет подробно ознакомиться с предложениями русских и дать комиссарам другие полномочия⁷⁰.

Что побудило короля дать такую инструкцию? Мы говорили выше о риксдаге, о том, что в Швеции уже в первой половине 1614 года были готовы заключить мир с Московским государством. Полномочие и инструкция от 4 октября представляют со стороны шведского короля новую попытку в том же направлении. Необходимо констатировать, что в инструкции одним из главных условий мира со стороны Швеции выдвигалась уступка на вечные времена Новгорода, который присягнул королю. Но крестоцелование на имя короля в Новгороде еще не совершилось. Отсюда задача Горна — добиться этой присяги.

Нам понятно теперь, почему в ответе на челобитную новгородцев Густав II Адольф обошел молчанием просьбу новгородцев устроить все согласно договора Делгарди с Новгородом 25 июля 1611 г.: в том до-

⁷⁰ Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. С. 40–44; *Sveriges krig 1611–1632*. Bd I. S. 483.

говоре фельдмаршал обязался оставить так границы, как они были при царе Федоре Ивановиче, за исключением Корелы с уездом, уступленных царем Василием Шуйским Карлу IX. Нам понятно и желание Густава II Адольфа, чтобы Горн добился унии Новгорода со Швецией.

Посмотрим, как стали выполняться поручения короля. Предложение начать переговоры о мире сделано было письмом, отправленным от имени Делагарди, Г. Горна и Э. Горна, адресованным московским боярам. Письмо сохранилось и в русском переводе, но документ частью истреблен. Все же основные мысли письма понять можно.

Шведы узнали от новгородцев, что московские люди выбрали себе великого князя, однако неизвестно, отказались ли они от приговора об избрании царем шведского принца; в свою очередь, великий князь не уведомил их о своем вступлении на престол, как это принято делать. Москвичи до сих пор гордо отвергали все предложения Делагарди о мире, но они при Бронницах и у Гдова на опыте узнали превосходство шведского оружия. В то же самое время через своих послов в Германии, Англии, Дании и Голландии они распространяют клевету на Швецию, которая, однако, опровергается. Ныне они должны опомниться и договориться о сроке и месте съезда, прислать опасный лист на шведских уполномоченных и возместить военные расходы Густава Адольфа.

Для понимания хода последующих событий необходимо установить время отправления этого письма и время получения его в Москве. На основании записей расспросных речей Данила Шатилова представляется возможным проследить историю доставления письма Делагарди, Генрика Горна и Эверта Горна в Москву. Сын боярский ржевитин Д. Шатилов был послан по государеву указу воеводою Осташкова Б. Кокоревым в Новгород в октябре 1614 г. *«о размене русских людей»*. Помимо открытого поручения, Шатилову даны были и тайные поручения — *«вестей велено про Свейя и про Немецких людей проведать подлинно»; «где ныне Свейской Адольф король? и сколько с ним в собраньи Немецких людей? и иных земель воинские люди с ними есть ли? и будет есть, и которых земель, и куда королевского походу чаять, и с польским Жигимонтом королем у Свейского короля меж ими мир бывал ли? и будет меж ними учинился мир, и на чом они мирились и на колько лет? и какое у них с Польским королем на Московское государство умышление? и для чего Свейской король в Ругод... Московской гетман (вырвано. — Г. З.) с Дацким королем войны и будет... себя помирились?»* Если царь *«учинит с Свейским королем ссылку, и Свейской король похочет ли с... великим государем миритца, и на чом похочет миритца? и где ныне Яков Пунтусов, будет ли опять он в Новгород? и не хочет ли Свейской король к... великому государю послов своих посылати? и буде хочет, и о чем хочет посылать? и где ныне свейского короля брат Филип королевич? и сколько ныне в Новегороде немецких людей? и не чаят ли к ним в Новгород прибыльных людей? и что их вперед умышление?»*.

Д. Шатилов вернулся из Новгорода в Осташков, привезя с собой: 1) лист от «Монса Мартынова»; а 2) «другой лист писан... государевым бояром немецким письмом». По рассказу Д. Шатилова, Мортенсон послал «к Москве с Стариченином сына боярского Макарья Бахтеярова, да... атамана Будая с листом до Данилова приезде Шатилова, а как де Данило приехал в Новгород из Осташкова с грамотою, и их де задержали до тех мест, покаместа был в Новгороде Данило Шатилов; а как де Монша Данила отпустил, а его Будалея отпустил Монша с Данилом Шатиловым и лист прислал с ними, а Макарья Бахтеева воротили, и он Будалей приехал к Москве с Данилом вместе».

В царской грамоте Д. Меррику, содержащей изложение «неправд» шведов, читаем: «да в нынешнем 123-ем году декабря в 4 ден писали царского величества и бояром ко князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи из Нова города Яков Пунтусов, да Гендрих Горн, да Эверт Горн, что государь их король приказал им, чтобы им от царского величества к боярам писать и о том поминать, только царского величества бояре похотят с ними в дружбе и в любви и в соединенье быти, и царского величества бояром им ведомо учинить вскоре, о какую пору и в котором месте с ними съехаться... и помириться»⁷¹.

Когда же Д. Шатилов с Будалеем прибыли в Москву и какой лист привезли московским боярам? На обороте отписки осташковского воеводы Бор[иса] Кокорева царю имеется помета: «123-го декабря в 4 день с Данилом Шатиловым». Так устанавливается срок приезда Шатилова в Москву. Непосредственно после отписки Б. Кокорева в деле находим «перевод с грамоты Якова Пунтусова да Индриха Горна да Эверта Горна-ж, что писана из Ругодива к государю боярам ко князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи с сыном боярским ржевитином, которой послан из Осташкова с образцовою грамотою з Данилом Шатиловым 123 декабря в 4 день». Из приведенной цитаты выясняется, что Шатилов привез интересующее нас в данный момент письмо с предложением указать срок и место съезда для переговоров о мире. 18 декабря это письмо обсуждалось на заседании Боярской думы: «и декабря в 18 день государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец сего переводу с Яковлева листа Пунтусова да Индрика Горна да Эверта Горна, что писали оне к боярам о ссылке, чтоб бояре с ними о добром деле и о покое крестьянском сослати, слушал»⁷².

На основании приведенных данных решаемся утверждать, что шведские комиссары начали переписываться с московскими боярами о

⁷¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. № 5; Переписка московских бояр с жившими в Новгороде шведскими генералами о размене пленных и о учинении съезда для прекращения между обоими государствами войны. 1614 октября, 14 декабря // *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. Приложения. № 5. С. 123–126.

⁷² РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. № 5.

мире раньше, чем Э. Горн стал призывать новгородцев к унии со Швецией. Текст обращения к ним выработан был еще в Ругодиве (Нарве. — Г. 3.), где около короля собрались вместе с Делагарди и братья Горны.

Обратимся теперь к истории унии.

Не сразу по приезде в Новгород Э. Горн приступил к ней. Для такого серьезного дела еще не было создано необходимых условий и, главное, не было в достаточном количестве войска. Горн действует иначе. Он пытается путем разговоров с отдельными лицами из жителей Новгорода склонить к унии, ведет беседы с самыми знатными (*förnembste* — Г. 3.). Представляется возможным назвать по имени нескольких из новгородцев, с которыми шла беседа у Горна. Из челобитной Якова Боборыкина видно, что в качестве своего агента шведы хотели использовать именно Боборыкина. Мы уже знаем, что Делагарди, отправляясь к королю в Ругодив, взял Боборыкина с собой и там говорил ему от имени короля, обещая *«многое»* жалованье, чтоб Боборыкин *«королю крест целовал»* и *«всяких людей Ноугороцкого государства на то привести»* постарался, в противном случае угрожал ему смертью. С этим же Боборыкиным, очевидно, вернувшимся из Ругодива, завел беседу и Горн по прибытии в Новгород. Он призывал Боборыкина *«к себе по многие дни и говорил ему»*, чтобы он присягнул королю и уговорил новгородцев сделать то же самое. За это Горн обещал Боборыкину *«королевское великое жалованье»*, *«свыше всех, которые были в Нове городе»*. Все, однако, было безуспешно. Я. Боборыкин ни на что не прельстился, в присяге королю отказал и убедил других новгородцев не присягать⁷³.

Полагаем, что заявлению Боборыкина надо поверить. Убеждения не действовали. Горн в письме к королю свидетельствует, что он в высшей степени старается добиться от новгородцев, чего желает король, *«но почти никто на это не склоняется»*, власть (*dominium*. — Г. 3.) их единомышленников так им по душе, что они сговорились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства. *«Я замечаю, — продолжает Горн, — что они особенно нерасположены сравнительно с прежним»*. Мы поймем это, если вспомним экономический кризис, наступивший в Новгороде в связи с военными действиями. Тяжелое положение новгородцев не скрывает и Горн. *«У них ничего больше не осталось, кроме жизни, — сообщает он королю, — и, однако, их ежедневно бьют и так дурно обращаются, что шесть человек недавно покончили самоубийством, а часть бежала, бросив жен и детей»*. Горн высказывал опасение, что у новгородцев *«существуют какие-нибудь*

⁷³ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 12.

сношения с врагом» (т. е. москвичами? - Г. З.)⁷⁴.

Мы не располагаем данными, которые подтверждали бы опасения Горна. Наоборот, мы склоняемся к мысли, что сношения с Москвой были в это время затруднительны, так как по дорогам расставлены были заставы и за пропуск людей неуставленным порядком виновные подвергались репрессиям. Недаром в ответе Э. Горну новгородцы пишут: *«тебе... самому про нас достаточно ведомо, что мы Новгородские всякие люди с Московским государством и так разлучны, и ни на каком неприятельственном деле с ними не ссылаемся, без вашего ведома»*⁷⁵.

Что до официальных отношений, то нам известна в октябре 1614 г. лишь посылка Д. Шатилова; с Шатиловым в Новгороде обращались строго: по рассказам Данила, *«его за три дни до отпуску отдали за пристава»*. Мало того, он *«был за приставом скован день да ночь»*. Мортенсон объяснил потом Данилу: *«потому де яз тебя и отдал за пристава, что де ныне Русские люди изверились, и нет ли де за тобою каких вестей, или присыльных грамоток?»*. При таких условиях Шатилову не пришлось иметь многих встреч в Новгороде. Только дьяк Семен Лутохин с ним приказывал, *«что немцы миру однолично ради и за Новгород послов слать (король. - Г. З.) хочет, а из которых мест послов слать хочет, из Свеи или из Ругодива, того не ведает»*⁷⁶. Горн ожидал, что после королевской грамоты 28 сентября 1614 г. *«горожане (borgeskaps. - Г. З.) без оговорок принесут присягу королю. Но, - прибавляет Горн, - в настоящее время они возбуждаются митрополитом и боярином (bajoran. - Г. З.) ко всему дурному, - каковое мошенничество представляется наиболее из всего, что можно представить»*.

Замечание Э. Горна о поведении митрополита Исидора и воеводы Одоевского интересно в двояком отношении:

1) из него приходится сделать вывод о перемене позиции этих правящих лиц - они потянулись к Москве;

2) необходимо констатировать иные совершенно отношения между этими лицами и шведским фельдмаршалом, чем отношения тех же лиц с Я. Делагарди; если для последнего воевода И. Н. Одоевский был *«сердешным любителем»*, то при Горне И. Н. Одоевский находился, по

⁷⁴ Большая выдержка из письма Э. Горна 12 декабря 1614 г. на шведском языке приведена Г. В. Форстеном. См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос. Т. II. С. 129. Перевод, но не вполне точный, дан в Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. С. 38-39.

⁷⁵ Ответ новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов шведскому фельдмаршалу Еверту Горну... 1614 // ДАИ. Т. 2. № 32. С. 61. Ср.: Там же. № 47. С. 77 (Дело в пропуске из Новгорода сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славянских воротах заставы).

⁷⁶ *Лыжин Н. П.* Столбовский договор... С. 125-126. Примечание публикатора: в документе эти слова относятся к воеводе И. Н. Одоевскому, а не к дьяку С. Лутохину. - Я. Р.

словам новгородских посланных в Москву 1615 г., «в неволе и в утеснень». Отношение шведских властей к митрополиту Исидору Киприан характеризовал в июне 1615 г. в таких словах: «на владыке лишь на самом воды не возите». Подобные отношения были минусом для Горна: он не имел поддержки у столь авторитетных среди жителей Новгорода лиц.

Нельзя не подчеркнуть в письме Э. Горна и такой детали: «изо всех тех, которые были посланы в Выборг, я не мог найти не более трех бояр (дворян? – Г. З.), все другие бежали». Мы не можем не сопоставить этот факт с бегством из Новгорода в 1613 г. Угрима Лупандина и др. У. Лупандин – несомненный сторонник московской ориентации. В июле 1613 г. он и его единомышленники бегут из Новгорода; тогда они остались в меньшинстве. В конце 1614 года бегут из Новгорода сторонники шведского королевича, партия сторонников шведской ориентации рассеивается. Это естественно: Густав II Адольф не удовлетворил главной просьбы новгородцев, высказанной ими в челобитной: «не подводить Новгород по швейскую корону», а стремление шведов к унии им было известно. Бегство из Новгорода сторонников Карла Филиппа является показателем плохого положения дел шведов в городе. Горн отмечает в письме некоторые неприязненные действия к шведам. «Они (власти. – Г. З.) велели так быстро убрать свой хлеб, сжигая соломой, от этого у нас должен быть недостаток в корме лошадям»⁷⁷.

В. А. Фигаровский пишет: «Существенную роль в деле борьбы с интервентами сыграл отказ крестьян снабжать их продовольствием и фуражом». В подтверждение В. А. Фигаровский приводит цитату письма Э. Горна 12 декабря 1614 г. в русском переводе Полторацкого. Читая шведский текст, убеждаешься, что Горн имел в виду не крестьян (как толкует Фигаровский. – Г. З.), а власть имущих, повелевающих («они велели». – Г. З.). Кто эти люди? Наказная память Луке Милославскому да подъячему Ивану Заденскому об уборке с полей и молотбе хлеба 5 августа 1614 г. дана была Делагарди и воеводою Одоевским. Приходится сделать вывод, что распоряжение об уборке хлеба дал Одоевский (Делагарди в это время не было в Новгороде. – Г. З.). Это, очевидно, Горн и называет «наибольшим мошенничеством»⁷⁸.

В общем мы констатируем, что обстановка в Новгороде к тому моменту, когда Горн должен был выступить с предложением унии со Швецией, значительно изменилась к худшему для шведов. Это, видимо,

⁷⁷ De haffua så snart de låtet uttrijcka sin spaninäll oprent halmen på dedh oss skulle fattas hestefodher. Цит. по Форстену. Op. cit. m. II. С. 129.

⁷⁸ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. Новгород, 12 декабря 1614 г. // Сб. НОД. Новгород, 1911. Вып. V, № 13. С. 38–39; Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. III–IV. С. 84; Наказная память Я. Делагарди и кн. И. Н. Одоевского Л. Милославскому, подъячему И. Заденскому. 5 августа 1614 г. // ДАИ. Т. 2, № 18. С. 38–40.

было ясно и самому Горну, недаром же он писал 12 декабря королю, что осуществить желание короля (т. е. провести унию. – Г. З.) ему мешает недостаток войска. Это наводит на мысль, что Горн думал о применении силы.

Когда же и в какой форме сделано было открыто Горном предложение унии Новгорода со Швецией?

В грамоте новгородцев московским боярам 1615 г. читаем: *«И в нынешнем господа во 123 году королевского величества боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн в Великий Новгород приехал, а приехав говорил мне Исидору митрополиту и всему освященному собору, да мне, Ивану Одоевскому, и дворяном, и дьяком, и всяких чинов служилым и жилецким людям всего Ноугородцкого государства и дал письменные речи, а в тех его письменных речах писано... (чтобы. – Г. З.) Ноугородцкого государства людям его королевскому величеству и их наследником целовати ныне крест, и свейских королей имети прямыми государи и короли во веки неподвижно и быти б (в тексте Фигаровского – обет бы) Ноугороцкому государству с Свейским королевством якоже Литовское государство Полскому королевству»*⁷⁹.

Выходит, что предложение Э. Горна унии Новгорода со Швецией сделано было не ранее сентября 1614 г., притом не только устно, но и письменно. Где же искать *«письменной речи»* Э. Горна? Ответ находим в деле о посольстве архимандрита Киприана и др. в Москву 1615 г. Здесь читаем: *«Да они-ж (архи[мандрит] Киприан с товарищами. – Г. З.) прислали списки, как им Эверн Горн, приехав от короля из Ругодива, говорил о крестном целованье, чтобы крест целовали все королю и были под Свейскою короною»*⁸⁰.

Список речей Э. Горна, сохранившийся в деле о посольстве, буквально совпадает с предложением Э. Горна, напечатанном в ДАИ. Т. II. № 12, с датой *«1614 января 25»* по списку из Стокгольмского госархива. Так находим два экземпляра текста предложения Э. Горна. Из второй цитаты также видно, что предложение унии сделано было Э. Горном по приезде от короля из Ругодива. В ответе Густава II Адольфа на челобитную новгородцев, данном в Ругодиве 28 сентября 1614 г., говорится: *«...и мы хотим приказати нашему королевскому боярину и воеводе Евер Горну Карлусовичю, которого наше величество вместо Якова Пунтосовича туда на время (в Новгород. – Г. З.) отпускает»*. Из этого редактор тома ДАИ справедливо заключает, что *«Горн воротился в Новгород не прежде октября»*⁸¹. Отсюда следует и другой

⁷⁹ Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 79–80.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

⁸¹ ДАИ. Т. II. № 24. См. там же, прим. 19.

вывод, что письменное предложение унии со Швецией не может быть датирован раньше октября.

Редактор П[ет]р[ов] ДАИ, ставя дату «1614 января», допускает явную ошибку. В гос[ударственном] архиве в Стокгольме имеется перевод предложения Горна на немецкий язык с пометой на обороте 14 декабря 1614 г. Очевидно, на этом основании шведские ученые относят событие к 14 декабря 1614 г.⁸² И эта дата вполне приемлема. В письме королю 12 декабря 1614 г. Горн сообщает, что он пока не передал новгородцам письмо Густава II Адольфа и не опубликовал желания короля из-за недостатка войска, но «*через несколько дней*» предполагает собрать их вместе и с величайшим старанием предложить «*это дело*»⁸³. Позволительно думать, что Горн имеет в виду в своем письме дело об унии Новгорода со Швецией. Если принять дату «14 декабря 1614 г.», вполне понятной становится фраза в обращении того же Горна к новгородцам 1615 г.: «*Да о чем яз вам наперед сего, еще по зиме нынешнего 123 году, говорил и по статьям написав велел отдати, то вам и самим ведомо*»⁸⁴.

Обратимся к тексту предложения. Горн напоминает, прежде всего, о заслугах Карла IX в ту пору тирании поляков, «*которые безмала не всю землю обладали*», когда послан был Делагарди; Горн утверждает, что тогда Делагарди мог бы совсем изгнать поляков из русской земли, если бы русские не оказались неблагодарными и не выбрали себе царем Владислава, сына польского короля, «*которой Свейския коруны отказанный недруг был*». Это вынудило Карла IX вновь послать в Московское государство Якова Делагарди. Последний одолел Новгород и заключил с Новгородским государством договор, подтвержденный с той и с другой стороны крестным целованием; по этому договору новгородцы, «*по Владимирскаго и Московскаго государства совету*», оборонительным государем избрали Карла IX и его наследников. После этого договора на Русь пришла большая польская рать, чтобы «*вся земля разорити и Новгород взяти*», но Делагарди с помощью шведского войска то предотвратил, «*и тем Свейского королевства многих ратных людей потратил*» (Что здесь разумеют шведы, неясно. – Г. З.)⁸⁵. После смерти Карла IX Густав II Адольф также заботился о пользе Новгородского государства, обороняя его от польских и от литовских людей и от воров и мятежников. Мало того, король отпустил по договору своего брата и великого князя, «*по Владимирского и Московского государства люди*

⁸² Sveriges krig 1611–1632. Bd I. S. 485.

⁸³ Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. С. 38.

⁸⁴ Предложение шведского фельдмаршала Эверта Горна новгородским земским чинам. 1615, прежде 27 мая // ДАИ. Т. 2, № 42. С. 74.

⁸⁵ Примечание публикатора: Здесь подразумеваются успешные бои Эверта Горна с черкасами Ширяя, Наливайко и др. в 1611–1612 гг. – Я. Р.

отпали от своего прежнего договору, которой оне под Москвою и в Ярославле с Новгородским государством о великого князя и государеве обирание учинили». Также изменила и «многая часть Новгородского государства людей».

По этим причинам, особенно потому, что Новгородское государство оборонялось до сих пор *«Свейския короны и королевскими протори»* и впредь будет обороняться за тот же счет, Карл Филипп передал брату-королю не только *«все достояние Новгородского государства, которое его княжеские милости пристойит, но и всю причину (претензии. — Г. З.), которую и ко всему Московскому государству имети и причитати может»*. Король все это принял на себя и теперь желает, чтобы *«всякие люди»* новгородского государства *«безо всякаго льстиваго отстрочения и отбегания, дополна и конечно»* мысль свою откровенно открыли: хотят ли они у короля и его наследников *«Свейских королей, своими прямыми государи и короли имети и почитати, и его королевскому величеству и им прямую покорную верность и послушание свое оказати, и Свейския короны не яко порабощенныя, но яко усобное государство, и якоже Литовское государство Полскому королевству, також в вечное время причитати и воплотити»*.

Горн напоминает, что новгородцы просили себе государем из шведского государства *«королевского дому и корени»* на следующих условиях: если Владимирское и Московское государство не хотят быть *«в соединении»* (в «совете». — Г. З.) с новгородцами, тогда новгородцам *«во всем от Московского государства разлучитись, и того великого князя, который... из Свейского королевства будет, верно держатись»*. Густав II Адольф, как и его отец, до сих пор обороняет Новгородское государство.

Напротив того, Московского государства люди не только отказались от *«соединенья»* с Новгородским государством, но ввели новгородцев *«в конечную погибель» «ненадобною своею зачатою войною»* против Швеции, *«вместо доброго соединения»*, которое можно было бы добиться.

Из-за этого новгородцы и должны были платить деньги ратным людям и еще будут платить, пока московские люди (в) *«своем злом и враждебном начинании пребудут»*. А новгородские люди настолько *«двоемысленныи»*, настолько двуличны, что король совершенно не знает, чего ему можно от них ждать. Возможно было московских людей встретить на полдороге, *«не допустя до Бронницы»*, если можно было бы вполне надеяться на верность новгородцев. И войну можно было бы унять, а новгородцы могли бы жить по-прежнему, *«только бы московские люди такую беспричинную войну не начали»*. Они и ныне не могут образумиться, хотя были много раз учены. Из этого надо заключить, что они хотят *«себя и всю отчину свою в конечную погибель низводвести»*, ведь они восстают против таких сильных государей, как шведский и

польский король, и их против их желания *«на себя наводят»*. Ведь *«ныне польский гетман Карла Хоткевич со многими ратными людьми уже в походе сюды на Русь»*, и это, кроме тех литовских людей, которые уже *«ходят»* по русской земле. Кроме того, известно новгородцам, *«что казаки в Московских столпах сильнейшии, и того ради болюшую власть имеют, по своей воли и по своему мнению чинят иные пристали к Ивану Заруцкому, а иные выбрали себе таких начальников, которые болюши о своей корысти, нежели о земской ползе пекутся»* и так разоряют страну, что в казну Московскую поступает мало денег, *«чем им свою гордую зачатую войну довершити»*. А если казаки в своей земле так поступают, тем более они не пощадили бы Новгородское государство, если бы они им овладели *«изменою или взятием»*, *«в то время, как на Броннице стояли»*. Ведь даже в то время, когда Новгород брали шведы, казаки *«на Торговой стороне лучшие посадские дворы и лавки разграбили»*, больше, чем неприятели-шведы. Из всего этого новгородцы могут уразуметь, что им в нужное время нечего ждать от московских людей большой помощи и обороны. Никого не найдется, кто русскому государству оказал бы такую помощь, как покойный король Карл IX и его сын Густав II Адольф. Если новгородцы *«гораздо уразумели»*, как их оборонял шведский король и будет оборонять, если новгородцы будут его держаться, в таком случае у новгородцев нет никакого основания не подтвердить и прежнего крестного целования и не желать иметь *«оборонительным государем и владетелем»* шведского короля. Этим крестным целованием новгородцы освободили бы себя *«ото всякого мнения и неверствия»*, дали бы возможность королю *«безопасно»* против неприятелей *«стояти и над ними промышляти»*, меньше было бы у них ратных людей, которые их тяготят, а вместо налогов, которые накладываются на них по вышеизложенным причинам, они стали бы *«шведскую казну»* на оборону *«держати»*, *«и потому своими вольными промыслы и торговли в Свейском королевстве езда разживатися, а те убытки, которые... от московских людей наведении претерпели»*, могли бы *«возвратити и выместить»*. Если новгородцы думают, что они тем *«воплождением»* устранят свои вольности (чего никак не может быть. — Г. З.) и поэтому не хотят присягать, то король *«произволил»*, чтобы новгородцы королю и его наследникам *«единолично, яко великому князю Новгородского государства»* крест целовали; и если у короля будет *«болюши чад, нежели единого королевича»*, в таком случае одному из наследников *«быти государем и великим князем на Новгородском государстве»*, и самому тут будучи, в *«Новгородском государстве владети»*; если у короля будет один наследник, в таком случае *«ему и его наследником будущим Свейским королем и государем тем же обычаем крест целовати, яко нынешнему вельможному королю ныне целуете»*; если наследники короля станут государями и великими князьями Новгородского государства, тогда новгородцам *«во веки имети владевшего*

свейского короля, который от сего королевского корня есть, оборонительным государем, и жити с Свиским королевством и с теми государствами, которые к Свискому королевству прилегают, в дружбе и в мире во веки, яко **одного государства людем, и против общих недругов стояти за один и во всяком деле искати друг другу прибыли**».

Горн прибавляет, что новгородцы будут и под властью шведского короля оставаться *«по прежнему в своей крестьянской вере Греческого закону и в древней церковной вольности»*; святительский чин будет пожалован *«королевским жалованьем, по достою»* (достоинству. – Г. 3.), всяких чинов люди останутся в прежних своих вольностях, *«суд и расправа также будет всякому по прежнему прямому суду, в правду»*.

Мысль как будто развита до конца, но Горн не ограничивается этим. В заключение своего предложения он прибегает к прямым угрозам. Если новгородцы станут упрямиться и ничего не послушают, то им надо помнить следующее: ввиду того, что король Новгородское государство *«мечем взял»*, притом в то время, когда Новгород *«ни под каким прямым государем и властью»* не был, и оборонял от врагов, и новгородцы ни в чем не могут винить короля, а, наоборот, должны ему *«высочайшую хвалу воздати и славити»* – в виду этого король *«правду имеет (вправе. – Г. 3.) Новгородское государство себе и своим наследником во веки удержати»*. У короля и на уме нет того, чтобы отступить от Новгорода, наоборот, он думает *«больши сего ратных людей для обергания и для всяких мер в Новгород прибавити»*.

Так как московские люди *«к мирному соединению не приставают, но явную войну и недружбу противу Свийского королевства всчинают»*, то новгородцам следует поразмыслить, поскольку они *«под его королевского величества и Свейские короны оборону поддались»*, быть ли и называть ли *«московских людей дружми (друзьями. – Г. 3.) или недружми (недрузьями. – Г. 3.)»*, ведь им *«двум государем вдруг (сразу. – Г. 3.) прилепитись не уметь»*. Король желает знать, что делать? Пусть новгородцы *«против сего вскоре ответ»* учинят, чтобы можно было *«ратным людем, которые здесь около в уездах стоят, подлинной указ учинити»*. Горн дает совет, чтобы король причину (основание. – Г. 3.) имел их *«под своею королевскою милостивою обороною держати»*. Пусть новгородцы рассудят, что *«доколе в Новгородском государстве Свиского королевства ратные люди владеют»*, им *«от своего начатого целованья» «без... конечныя погибели отлучитись не уметь некоторыми делы»*⁸⁶.

Мы остановились подробно на предложении Горна, изложили его содержание своими словами, чего не делали предыдущие исследователи (например, С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, В. А. Фигаровский. –

⁸⁶ Предложение фельдмаршала Эверта Горна Новгородским земским чинам // ДАИ. Т. 2. № 12. С. 28–32.

Г. 3.), чтобы показать, насколько серьезный момент настал для новгородцев. Им предлагали унию со Швецией, но не на время, а на веки; новгородцам предлагали порвать вековые узы с Москвой и с другими русскими землями.

Как же поступают новгородцы? Ответ находим в деле Якова Боборыкина. В челобитной царю Боборыкин рассказывает: *«видя де их (новгородцев. — Г. 3.) крепкое стояние, Эверт Горн, умысля и устрашивая их, прислал к митрополиту Исидору и к боярину ко князю Ивану Никитичу Одоевскому и ко всяким людям Ноугородцкого государства письменные составные многие речи, чтоб Ноугородцкого государства всяким людем королю крест целовати и бытии-б под королевскою властью, также, как и Свеиское королевство»*. Видимо, письменное предложение Горна было зачитано на собрании новгородцев. К сожалению, о нем сведений нет. Какое же решение было вынесено собранием? Приводим рассказ Боборыкина дословно. *«И митрополит-де Исидор, и боярин князь Иван Никитич Одоевский с собору велели ему, Якову, да дьяку Семену Лутохину против этих Эвер Горновых писменных речей написати писменной ответ. И они-де, написав ответ, принесли на собор к митрополиту и к боярину и ко всяким людем Новгородцкого государства»*⁸⁷.

Показание Я. М. Боборыкина заслуживают внимания. Оно позволяет сделать ряд выводов:

1) Очевидно, Я. Боборыкин, взятый Делагарди в начале августа 1614 года к королю в Рюгодив, вернулся опять в Новгород. Из отповеди новгородцев (первая редакция. — Г. 3.) Э. Горну узнаем, что Я. Боборыкин привез в Новгород королевскую грамоту, может быть, грамоту 28 сентября 1614 г.

2) С возвращением Я. Боборыкина московская, если можно так выразиться, партия в Новгороде стала, разумеется, сильнее.

3) Московская партия начинает действовать энергично. Один из ее представителей получает поручение от *«собора»* написать ответ на предложение унии со Швецией.

4) Участие в этом деле дьяка Новгородского государства Семена Лутохина заставляет предположить, что он отказался от шведской ориентации, каковой придерживался прежде. Не надо упускать из виду и того, что С. Лутохин, как дьяк Новгородского государства, был человеком осведомленным.

Трудно сказать, сколько времени потребовалось Я. Боборыкину и С. Лутохину на составление ответа на предложение Э. Горна. С. М. Соловьев пишет: *«Долго новгородские начальные люди не отвечали на страшный запрос»*. Д. И. Иловайский утверждает, что новгородцы тянули с ответом год. С. М. Соловьев и Д. И. Иловайский вполне

⁸⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 12.

полагаются на даты документов, поставленные редактором П т[ома] ДАИ. Мы, зная ошибки, допущенные во II томе ДАИ, не повторим приведенного утверждения. Д. И. Иловайский допускает, что шведы ждали ответа почти год, – случай прямо-таки невероятный, если вспомнить, что шведы были господами в Новгороде⁸⁸. По нашему мнению, ответ был дан новгородцами не позднее 10 января 1615 года. Точно известно, что приговор об отправлении посольства из Новгорода в Москву состоялся *«7123-го (1615) января в 11 день»*, а этот приговор, как увидим ниже, состоялся уже после отказа новгородцев присягнуть на имя короля.

Таким образом, интересующие нас события – предложение Горном унии Новгорода со Швецией и отказ от нее новгородцев – произошли на протяжении одного месяца.

Как составлялся ответ? По рассказу Киприана в Москве в 1615 г., *«из всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать»*. Мы полностью признаем справедливость показания Киприана. Опрос населения через уличных старост происходил и в августе 1614 г., когда приходилось давать отповедь Мортенсону. К сожалению, ни одного решения жителей той или иной улицы в письменном виде мы не знаем. Возможно, что на основании решений жителей отдельных улиц и составлен был Я. Боборыкиным и С. Лутохиным отрицательный ответ Э. Горну. Этот ответ Я. Боборыкиным и С. Лутохиным принесен был на собор, видимо, для утверждения. Какого числа это собрание было, сказать не можем; не можем выяснить точно и состав этого собрания, как бы это ни было интересно. На соборе, несомненно, были митрополит и воевода И. Н. Одоевский. Что касается остальных, то в отношении их Я. Боборыкин употребляет неопределенный термин *«всякие люди»*. Нельзя ли предположить, что на собрании были не только *«лучшие»* люди (как на собрании 26 января 1614 г. – Г. 3.), не только из верхов новгородского общества, но и демократические элементы? Мы допускаем это: ведь о намерении шведов присоединить Новгород к Швеции широкие слои Новгородского общества были поставлены в известность еще в августе 1614 года, когда Мортенсон потребовал *«отповеди»* на предложение Делagarди. На собрании к отповеди были приложены руки, собраны были подписи (см. ниже – показание Киприана в Москве. – Г. 3.). Так было оформлено мнение массы населения по вопросу об унии. К сожалению, подлинник *«за руками»*, хранившийся у митрополита, до нас не дошел.

С содержанием ответа новгородцев Э. Горну следует ознакомиться столь же подробно, как подробно мы ознакомились с предложением Горна. Этот ответ представляется документом первостепенной важности. Нам известны две редакции этого ответа: первая напечатана

⁸⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. Изд. 4. М., 1885. С. 85; Иловайский Д. И. История России. Т. V. Новая династия.

еще в 1846 г., вторая найдена нами в деле о посольстве Киприана, Я. Боборыкина, М. Муравьева в Москву⁸⁹. Первая представляет *«современный черновой отпуск»*, писанный *«столбцом, на 14 вместе склеенных листах, с помаркою и выноскою на обороте некоторых строк»*; этот отпуск извлечен из **Стокгольмского гос[ударственного] архива** Соловьевым; вторая была привезена названными выше послами в Москву. В дальнейшем мы узнаем разницу между двумя редакциями. Теперь ограничимся указанием, что редакция ответа, привезенная этими новгородскими послами в Москву, является более ранней. Это мы и рассмотрим.

Отметим, прежде всего, от кого ответ Горну идет. Вначале упомянуты: *«преосвященный Исидор митрополит и архимандрит, и игумены, и весь освященный собор, да боярин и воевода князь Иван Никитич большой Одоевский, и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и гости, и пятиконецкие старосты, и торговые, и посадские и всяких чинов жилицкие люди Ноугоротцкого государства»*. Из этого ясно, что ответ дается не какой-то отдельной группой, — это ответ, так сказать, всенародный. Любопытно, что вначале полностью приведен титул Карла Филиппа, *«Свейского, Готцкого, Вендейского отчинного князя и арцуха Судермаланского, Нерынского и Вермелянского, а також и Ноугородского государства»*. В ответ на напоминание Горном *«про первое воспоможение»* Карла IX всему Московскому государству, о неблагодарности московских людей, и об избрании Владислава, и на указание, что *«тое ради причины»* шведский король послал Якова Деллагарди с войском на Русь, новгородцы пишут: *«и на те, государь, статьи нам, Ноугородского государства людем ответу дати не лзе, то дело всего Росийского царствия, а не одного Ноугородцкого государства, мы Ноугородцкие всяких чинов люди в те поры были послушны Московскому государству»*.

Ответ необходимо признать правильным. В ответ на указание Горна, что новгородцы не захотели *«посредия»*, какое им предлагалось, почему Деллагарди захватил Новгород и заключил договор, в ответ на замечание о заботах Густава II Адольфа и на предложение унии со Швецией новгородцы пишут: *«с Деллагарди нам ноугородцким всяким людем, посредия было чинити не лзе, занеж мы подовластные люди»*; в то время прислан был в Новгород из под Москвы *«от бояр и ото всей земли»* Вас[илий] Бутурлин; ему было велено договориться обо всем с Деллагарди: *«мы, всяких чинов жилецкие люди, делали повеленное все им»*, кормы шведским войскам давали, *«роздизания никакого меж Ноугородцкого государства и Якова Пунтусовича не хотели»*.

Изложив дальше историю захвата Новгорода Деллагарди, заключения договора с ним и указав на избрание одного из сыновей шведского

⁸⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

короля на Новгородское государство, *«также будет похотят на Владимирское, на Московское государство»*, новгородцы напоминают, что они *«по тому своему крестному целованию и по договору»* отправили своих послов архимандрита Никандра с товарищами к Карлу IX, но тот еще до приезда послов в Стокгольм умер. Вступивший на престол Густав II Адольф вместе с матерью отпустили на Новгородское государство Карла Филиппа. *«Крестное целование»* совершилось Карлу Филиппу; он учинился государем и великим князем Новгородского государства, *«также будет похотят на Владимирском и на Московском»*.

Дальше новгородцы подчеркивают: *«в утвержденных записях»* (т. е. в договоре 25 июля 1611 г. — Г. 3.) написано, что Новгород и другие города Московского государства должны оставаться по-старому в своей греческой вере, церкви и монастыри не должны подвергаться разорению, духовным лицам *«бесчинства и поругани не чинить»*, воздавать им честь *«по их достоинству»*, *«чин у монастырей и у храмов не отнимати и в поместье никому не отдавати»*, города и земли, присягнувшие королевичу, *«под Свейскую коруну не подводити»*, межам быть по-прежнему, как было при царе Федоре Ивановиче, кроме города Корелы с уездом, из городов, которых будут *«под державою»* королевича, *«наряду и зелия и свинцу и всяких пушечных запасов, и колоколов, и денежные казны, и иного ничего в Свейскую коруну не вывозити без совету Новгородского государства»* и упомянутых городов; управа и суд во всех делах должны быть по-старому, *«как прежде сего при прежних государях было»*, *«быть в суде с обеих сторон, сколько Росийского государства только и Свейской коруны, боярам и дворяном и дьяком, чтобы никому ни с которые стороны обиды некоторые не было»*. Новгородцы обязались давать *«подмогу»* ратными людьми *«по изможению»* (кто сколько может. — Г. 3.); грабежа, насилия, разбоя быть не должно, *«жители меж обоих государств в дружбе и в любви и в соединенье»*.

Таков договор. А что получилось теперь? Монастыри и церкви немецкими ратными людьми разорены до основания, иконы *«опоруганы, расколоты и пожжены»*, мощи святых из гробов *«выметены и опоруганы»*, колокола из многих монастырей вывезены в Швецию, литовские люди, служащие шведскому королю, около Новгорода *«уездных людей крестьян жгут и мучат»* и *«на смерть побивают»*, при взыскании налогов *«иные на смерть побиты, и иные обесились и в воду метались, а иные обезвечены и посямест лежат»*. Новгородцы не делают вывода, но он вытекает сам собою: шведы нарушили договор, заключенный с Делагарди. Между тем они, новгородцы, *«по своему крестному целованию и по утвержденным записем во всем стояли крепко и вперед также стояти»* хотят за королевича; ему присягали не только в Новгороде, но и в Орешке, и в Ладоге, и в Ивангороде. Да и в королевской грамоте, привезенной архимандритом Киприаном с товарищами в

Новгород, написано, чтобы новгородцам «по прежнему своему крестному целованию» «служити верно и праведно» Карлу Филиппу, «стояти в своем крестном целованье неподвижно»⁹⁰.

Что же касается «обереганья вперед Новгородцкое государство от недрузей», то «в том волен был» Карл Филипп, ему приличествовало «о том договорить и утвердить», а новгородцам «мимо великого государя своего королевича» договариваться нельзя: «потому что в Ноугородцком государстве по данной от бога милости и в нас, холопах своих, волен великий государь наш королевич». Новгородцы ни в чем «разлучных» не чинят Карла Филиппа и Густава II Адольфа; за «великое милостивое призрение и за совершенную милость» короля они, «пад на землю, много» челом бьют, они желают иметь его своим «оборонителем, по утвержденным записем», вместо королевича королю, его воеводам и приказным людям «ни в чем ослушны не бывали и вперед также ослушны быть ни в чем не хотят, пока... моча будет»; во всем ратным людям помогали со времени их прихода в Новгород и до настоящего времени – и в то время, как стояли на Броннице против русских «людей», «отдали на подмогу немецким людям все и до последние денги и многое от того оскудели и разбрелися розно и ныне уже давать нечего». Если Карл Филипп «в Ноугородцкое государство походу своего не пожаловал не учинил, и в том воля его пресветлейшества», где он, великий князь, в своей земле «произволит быти». «Только мы, холопы его, по своему крестному целованью его пресветлейшества держимся и служити хотим верно».

Новгородцы просят Горна быть «печальником» за них перед королем и самому их помиловать: «учинити над нами по утвержденным записем, что писано выше сего». «А мы ноугородцкие всяких чинов люди мимо утвержденных записей и по своему крестному целованью иного государя опричь государя своего королевича пресветлейшего и высоко-рожденного великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича и под Свейскою коруною вперед быти некоторым обычай не хотим» (во второй редакции это место выброшено. – Г. 3.). Что до того, чтобы новгородцам «с Московским государством разлучитись», и держаться князя, который будет из Швеции, то Горну и королю самому достаточно известно, что «ноугородцкие всякие люди с Московским государством ныне и так разлучны», ни о чем с ним не ссылаются и вперед «о неприятельстве» ссылаться не хотят; они верно служат и добра хотят во всем Карлу Филиппу, «как прямым верным и подданным подобает». Если он по обещанию Карла IX, королевы Христины и короля Густава II Адольфа «произволит быти в своей государеве отчине в Ноугородцком государстве», тогда они ему «во всем рады служити в правду», «иного государя» не хотят и под ним, «государем своим государства» не подыскива-

⁹⁰ Что это за грамота, привезенная Киприаном, сказать затрудняемся.

ют, «яко прямые верные раби»; они просят, чтобы король «не сверстал» их с изменниками, «которые из Нова города отъехали»: это сделано «без нашего ведома и думы». Горн требует от новгородцев подтверждения прежней присяги: новгородцы заявляют: «и мы и ныне по своему крестному целованью... Карлу Филиппу Карлусовичю крест целуем по прежним записем», что ему быть великим князем в Новгороде, а королю быть «оборонителем».

В ответ на многократное напоминание Горна о присяге королю новгородцы повторяют, что они стоят «в прежнем своем крестном целованье» Карлу Филиппу; они «вразумели подлинно: покамест Свийское государство со Владимирским и Московским государством меж себя не помирятца, и до тех нам мест тишины и покою не видать никакож», об этом написано им и в королевской грамоте, «привезенной Яковом Боборыкиным».

Предложение короля целовать крест ему и его наследникам, как великому князю Новгородского государства, с условием, что если у короля будет несколько сыновей, в таком случае одному из них быть государем в Новгороде и управлять, живя в нем, а если один, то ему и его наследникам «крест целовати и быти под их королевскою державою во веки веков» встречает резкие возражения. Новгородцы указывают, что король «подводит» их под шведскую корону «мимо утвержденных записей»; мало того, Густав II Адольф еще не вступил в брак, а уже отнимает у них своего брата, хотя Карл Филипп достиг такого возраста, что «на коня садитца и в лице своим недругом, аще бог благоволит, сам может стати». Они, новгородцы, по своему крестному целованью держатся Карла Филиппа и другого государя не подыскивают. К тому же Карл Филипп еще в Выборге велел Комиссарам «Юрью Бою да Индрику Горну Карловичу, да боярину-ж Аксель Рынику» привести новгородских посланников с архимандритом Никандром к присяге «на свое-ж королевичево имя» и взял запись за руками в свою королевичеву казну. От королевских бояр и от полномочных послов о том новгородцам «и в помине не бывало, чтобы целовать» крест королю. Ныне новгородцам мимо королевича и мимо прежней записи целовать крест королю и его наследникам «не мочно, хотя и помереть за свое крестное целованье». Если от Горна новгородцам «и какая неправда учинитца мимо записей и крестное целованье», в том судья бог, это будет известно и в соседних государствах и не послужит к чести ни короля, ни его боярам.

В ответ на замечание Горна, что Густав II Адольф «Новгородцкое государство мечем взял», притом «в то время», когда новгородцы «ни под каким прямым государем и властью не были, и оборонял его», новгородцы заявляют, что если король стоит за своего брата и за новгородцев, «его государственных богомольцев и холопей», то по «хрестьянских (христианских. — Г. З.) великих государей милосердных и благованных обычаев так и пристойт (так и следует поступить. — Г. З.)»;

отец Густава II Адольфа помогал даже не брату своему, а царю Василию Ивановичу. В то время как Новгород был взят шведами, *«Ноугородцкое государство было подвластно, а не особно, и послушно Московского государства бояром и всей земле»*; новгородцы целовали крест *«Владимирского и Московского государства бояром и всей земле на том»*, чтобы им *«всею землею Российского царствия стояти за-один»* против польских и литовских людей *«за их великие неправды и крестопреступленья»*, *«а особно Ноугородцкое государство от Российского царствия не бывало, и никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен особно не бывал»*. Новгородцы напоминают, что тогда прислан был в Новгород *«ис-под Москвы от бояр и от всей земли»* Вас[илий] Ив[анович] Бутурлин, он по *«боярскому и всей земли приказу»* съезжался с Делагарди, и *«с Иваном Баклановским королевского величества дворяне»*, посылаемые шведским фельдмаршалом *«под Москву к боярам и ко всей земли-ездили-ж»*, а новгородцам *«приказ от бояр ис-под Москвы и ото всей земли»* с Вас[асилием] Бутурлиным был такой, чтобы они, новгородцы, немецких ратных людей шведского короля не опасались (*«оберегаться не велено»*. – Г. 3.), потому что *«у всего российского царствия»* с Свейским королевством учинено было *«мирное вечное постановление»*, вследствие этого новгородцы шведских войск и не боялись. Что до взятия Новгорода, то новгородцы указывают, что Делагарди и Горн *«взяли»* (захватили силой, мечом. – Г. 3.) *«только острог на Софийской стороне, а Каменный город и торговую сторону за крестным целованием и за укрепленьем»*, как написано выше, *«а не мечем»* (по договору. – Г. 3.). Про московских людей новгородцы пишут: *«покаместа меж Московского государства и Свейским королевством не помиритца, и нам московские казаки уездным всяким людем Новгородцкому уезда всяк недоброе делают»*⁹¹.

Не нова основная мысль ответа новгородцев Э. Горну – отказ от присяги на имя короля, но ни в каком другом документе мы не находим тех доводов в пользу отказа, какие развиты в ответе Горну. Пред нами две разные точки зрения: в предложении Горна – шведская, в ответе Горну – новгородская. Весьма примечательно, что новгородцы всюду подчеркивают свою приверженность к Карлу Филиппу. Этим сильнее оттеняется стремление шведов к унии Новгорода со Швецией: последняя (уния. – Г. 3.) выступает как нарушение договора 1611 года. Можно ли признать заявление новгородцев о приверженности к Карлу Филиппу искренним, или это лишь пустой предлог? В наших руках нет ни одного указания, что в этот момент новгородцы совсем отреклись от шведского королевича, отступили от своей присяги на его имя. Интересным является отношение к Московскому государству. В ответе

⁹¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

твердо заявляют: «...а особливо Новгородское государство от Российского царствия не бывало и никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен не бывал». Такое заявление не могли делать сепаратисты. Авторы отповеди не желают отделяться от Москвы, они не сепаратисты, но в то же время они стоят за Карла Филиппа. Позиция двойственная. И это понятно, если вспомнить, что связи Новгорода с Москвой в это время порвались, новгородцам было еще неизвестно, как к ним относятся в Москве.

Обратимся теперь к событиям. Я. Боборыкин и дьяк С. Лутохин выполнили данное им поручение – написали *«против тех Эвер Горновых письменных речей»* письменный же ответ и принесли его *«на собор к митрополиту и к боярину, и ко всем людям Новгородского государства»*. Как говорилось выше, об этом соборе у нас нет данных. Надо думать, что ответ получил одобрение на собрании, и к нему приложили *«руки»*. Митрополит Исидор и воевода И. Н. Одоевский *«и всякие люди»* послали с ответом к Э. Горну Я. Боборыкина. Видимо, Я. Боборыкин прочел Горну письменный ответ (*«тот письменный ответ Эверт Горн выслушал»*. – Г. 3.), но не отдал. Такой вывод сам собой следует из заявления архимандрита Киприана в Москве: *«а как им (новгородцам. – Г. 3.) Эверт Горн о крестном целованье говорил и письмо ему дал и что оне ему против того дали ответ, и тот подлинной ответ в Нове городе у митрополита за руками»*. Выслушав письменный ответ, Горн так рассердился, что отдал Я. Боборыкина *«за приставы»*, а митрополиту и боярину прислал сказать, что их за такой ответ нужно послать в Швецию к королю.

Однако угрозы Горна не подействовали. Заметив это, Горн через некоторое время повел себя иначе. Он велел привести к себе Я. Боборыкина и стал внушать ему, чтобы тот *«от себя»* дал совет митрополиту и воеводе Одоевскому и *«всяких чинов людям»* – ходатайствовать перед Горном о разрешении новгородцам ссылаться с Московским государством *«о мирном постановенье»*; Боборыкин должен был держать втайне, *«что ему о том говорил Эверт Горн»*⁹². Та же история повторилась с Киприаном. Киприан передавал в Москве: *«как оне, новгородцы всякие люди, Эверт Горну о крестном целованье на королевское имя отказали, и Эверт Горн его, архимарита, имал к себе на подворье и ему говорил: коли новгородцы всякие люди королю креста целовать не хотят, и они-б послали к Москве бити челом государю о мире»*⁹³.

Перемена тактики Горна нас не удивляет. Нам известно, что у Горна уже была инструкция короля о мире с Москвой.

⁹² РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 12.

⁹³ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

Слова Горна Я. Боборыкин *«тотчас-же»* передал митрополиту Исидору и воеводе Одоевскому. *«По скаске Боборыкина митрополит, воевода и всякие люди Ноугородцкого государства»* били челом Горну, чтобы он *«з государевыми боярами»* позволил сослаться *«о мирном постановеньи»*. Разрешение было дано, и новгородцы стали готовиться к отправлению посольства в Москву.

Истории посольства из Новгорода в Москву мы посвящаем следующий очерк⁹⁴.

Теперь нам хотелось бы выяснить вопрос, неужели решительный отказ новгородцев от унии со Швецией не вызвал со стороны шведов новые репрессии? Допустить это крайне трудно. Обратимся к источникам. Пятиконецкие старосты Андрей Ременник с товарищами в челобитной царю, переданной московским послам на съезде 7 января 1616 года, рассказав о попытке Э. Горна по прибытии его в Новгород принудить новгородцев к присяге на имя короля и об отказе от присяги жителей Новгорода, прибавляют: *«И с тех, государь, мест и по ся места, как мы в крестном целованье отказали, наложили на нас, на бедных сирот твоих государевых, в немецкие кормы и в салдацкие денги на шестнадцать дней по две тысячи рублей опроче иных мелких расходов и всяких розных налогов»*.

В шведском гос[ударственном] архиве в Стокгольме сохранились записные (приходно-расходные. — Г. 3.) книги при сборе шведской контрибуции в Новгороде 1614–1616 гг. Книги представляют большой том в 76 тетрадей. К. Якубов находит возможным разделить по форме весь том на две части: в первой части идут записи с апреля 7122 (1614) г. по декабрь 7123 (1614) г.; во второй части записи с декабря 7123 (1614) г. по август 7124 (1616) г. Начало записи во второй части таково: *«Лета 7123, декабря в 28 день. По выбору пятиконецких ноугородцких старост Кирилла Молодожника с товарищи, посацкие тяглые люди, салдацких денег зборицки, Трет(ь)як Молоков серебреник да Иван Офонасев колачник збирали по окладным книгам гостя Первого Прокоф(ь)ева с товарищи, с ноугородки по двадцати по шти алтын по четьре деньги»*⁹⁵.

Приведенное начало вызывает немалый интерес. Интересно подчеркнуть прежде всего, что в августе 1614 г. пятиконецким старостой служил Докучай Сласницин; ему с товарищами было поручено опросить жителей, желают ли они присягать на имя короля (см. выше. — Г. 3.). В декабре того же года пятиконецкими старостами являются уже

⁹⁴ Речь идет о заключительном очерке докторской диссертации Г. А. Замятина «Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 году», который планируется опубликовать в следующем выпуске НИС.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 1; Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского гос. архива // ЧОИДР. 1890. Кн. IV. С. 69.

Кирилл Молодожник с товарищами. Происходили ли в декабре месяце 1614 г. обычные выборы пятиконецких старост, или Докучай Сласницин был смещен как неугодный шведам староста, – сказать затрудняемся. Наше внимание особенно привлекают данные о сборе контрибуции. Как указывает К. Якубов, контрибуция называется здесь *«салдатукими деньгами»* и *«салдатуким кормом»*. Собирают эти деньги по окладным книгам гостя *«Первого Прокоф(ь)ева с товарищы»*. Мы знаем, что гость Первой Прокофьев вернулся вместе с другими новгородскими послами из Выборга в Новгород 15–17 августа 1614 г. Значит, окладные книги составлены были не ранее сентября 1614 г., может быть, уже при Э. Горне. Не исключена возможность, что это была одна из подготовительных мер Э. Горна к предложению унии 14 декабря 1614 г. Раскладка *«салдатуких денег»* производилась пятиконецкими старостами. Собирали в повышенном размере: если в апреле 1614 г. брали с *«ноугородки по десять алтын»*, то в декабре берут *«с ноугородки по двадцати по шти алтын по четыре денги»*, другими словами, больше чем вдвое. Собирали *«салдатукие денги»* каждую декаду: например, с 27 декабря 1614 г. по январь 1615 г. *«немецкому подъячему Андрею Самойлову салдатуких денег в государеву казну заплатили шесть сот рублей»*.

На основании приведенных данных позволяем сделать вывод, что отказ новгородцев от унии со Швецией повлек за собой увеличение поборов, взимаемых шведами с жителей Новгорода.

Резюмируем наши выводы. В течение 1614 года шведы три раза предлагали новгородцам унию Новгорода со Швецией, наподобие унии Литвы с Польшей:

- 1) 25 января,
- 2) в июле–августе месяце
- и 3) 14 декабря.

Первый раз предложение унии сделано было верхушке новгородского общества, в последующее время шведы требовали присяги на имя короля ото всех жителей. В январе и августе предложение унии делалось устно, в декабре – в письменной форме. В январе новгородцы, надеявшиеся получить защиту от посланной на очищение Новгорода московской рати, ответили отказом. В августе, после поражения московской рати под Бронницами, под влиянием части вернувшихся из Выборга посланных к королевичу, они обратились с челобитной к королю Густаву II Адольфу о непринуждении их к унии. Наибольшая твердость, подлинное мужество и редкая сплоченность проявлена была массой жителей Новгорода в декабре месяце 1614 г., когда они резко противопоставили шведским планам свое решение сохранять договор 25 июля 1611 г.

Явлений, подобных унии Новгорода со Швецией в период крестьянской войны начала XVII века, мы не наблюдаем, сколь известно, ни в одном русском городе.

Провал нового мероприятия шведов – унии Новгорода со Швецией – позволяет сделать определенные выводы. Очевидно, для унии не было налицо необходимых предпосылок (в противоположность Польше и Литве. – Г. З.), очевидно, связи Новгорода, «большого торгового города, но не имеющего собственных средств продовольствия» (по характеристике А. Оксеншерны. – Г. З.) с Московским государством были более крепкие, чем связи с Швецией, вступившей в ту пору на путь капиталистического развития.

После того, как мы подробно рассмотрели историю попыток шведов принудить Новгород к унии со Швецией, очевидна неправильность утверждения С. Ф. Платонова, будто уже по договору 1611 г. «новгородцы присоединялись к Швеции «Свейские коруны не яко порабощенное, но яко усобное государство, якоже Литовское *Польскому*»⁹⁶.

Ни по договору 1611 г., ни в последующее время в 1614–1615 гг. Новгород не присоединялся к Швеции. Шведы пытались осуществить унию Новгорода со Швецией наподобие унии Литвы с Польшей 1569 г., но встретили сопротивление среди широких масс населения Новгорода, не желавших отделяться от Московского государства.

⁹⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... СПб., 1899. С. 553–554; Ср.: предисловие к Арсеньевским бумагам в Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. С. 6.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ШВЕЦИИ

1. Грамота Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого в Новгород шведскому фельдмаршалу Делагарди с требованием оставить Новгород и вывести войска в Швецию. 1613 г. 18 октября

Список з грамоты князя Дмитрея Трубецкого:

Божией милости и в. г. ц. и в. к. Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя его царьского величества от боярина и воеводы от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да его ж царского величества от окольничего и воеводы от князя Данила Ивановича Мезецкого свейского Адолфа короля воеводе Якову Пунтосову Делегарду.

Даем тебе ведати, что по Божьей милости и по святой Его воле за прошеньем и моленьем Московского государства митрополитов и архиепископов и епископов и всего священного чину и за челобитьем многих государьских детей царей и царевичей розных великих государств, которые служат в Московском государстве, и за многими прозьбами бояр и окольничих и князей и воевод и дворян и приказных людей и всяких служилых людей всех городов и всего народа христьянского множества людей Российского царствия учинился на Владимирском и Московском и на Новгородцком и на царствах Казанском и Астараханском и Сибирском и на всех великих и преславных государствах Росийского царствия великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель.

А з Божией помощью учиняся на своих великих государствах, прося у всемогущего Бога милости своим великие государства править мирно и немятежно и недругом своим недружбу доводить, польских и литовских людей из Московских государств его царского величества счастьем выгнали и во многих местех побили многих и в полон поимали и многие города от них от крестьянских неприятелей очистили, о чем и самим вам, чаю, подлинно ведомо, и во всем ему великому государю нашему Милосердный в Троице славимый Бог наш, видячи его царьского величества правду, способствует и надо всеми враги его и недруги победу и одоление ему, великому государю, подает.

А тебе, Яков, твои дела ведомо самому, как при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси по ссылке боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского прислал тебя государь твои Карлус

король к царю Васил(ъ)ю с ратными неметцкими наемными людьми в помочь против полских и литовских людей за утверждением за крестным целованьем и за записми, что было тебе против польских и литовских людей стояти, и царю Васил(ъ)ю и Московскому государству не изменить, с польскими людьми битися; и как пошел с Москвы против полских и литовских людей боярин князь Дмитрий Иванович Шуйской, а ты, Яков, пошел со князем Дмитрием же да своими неметцкими ратными людьми, да и с тобою ж спелся государя твоего воевода Эверт Горн с неметцкими-ж людьми; и как боярин князь Дмитрий Иванович Шуйской под Клушиным з гетманом корунным с Станиславом Желковским сошлись и болшое дело сослонили, и ты да Эверт Горн через крестное целованье и записи, сослався з гетманом с Станиславом Желковским, отъехали есте со всеми своими ратными людьми к Желковскому и утвердися с ним, что вам против его не стояти, стали есте против князя Дмитрея Шуйского с товарищи; и князь Дмитрий видячи вашу неправду с рускими людьми от вас отошел и что было со князем Дмитрием в полках царские казны денег и золотых и мягкие рухляди, что было изготовлено давати вашим неметцким ратным людям вперед заслуженого, и то вы все поймали и, утвердяс есте з гетманом, пошел еси Московского государства землею на Новгород и к Свейскому рубежу, всюючи и жгучи; и московского государства людей в полон имали и побивали и животы грабили.

А как мы московского государства бояре и воеводы князь Дмитрий и всяких чинов люди, видячи полского Жигимонта короля и панов радных неправду, собрався, пришли под Москву на полских и литовских всяких людей, и ты, пришедчи из Свеи в Ноугородцкой уезд, ссылался под Москву с нами з бояры и воеводы, будто государь ваш Карлус король, Московскому государству хочет против полских и литовских людей помогать и Московское государство от полских и литовских людей очищать; и мы бояре, поверя твоей ссылке и чая в том правды, с тобою о добром деле о помочи ссылалися, и ты о добрых делех ничего делом не делал, все оманом, и великого государя нашего искони вечную отчину Новгород оплоша (обманом — Г. 3.) взятием взял и казну царскую всякую, что была в Новегороде и запасы всякие и наряд поймали, и митрополита и боярина и воеводу и дворян и приказных людей и гостей и всяких служилых и жилецких людей переграбили, и многих побили и кровь крестьянскую невинно пролили и церкви Божии и монастыри разорили и осквернили, и образы обдирали и всякое зло делали, чего слышети не годитца, и на митрополита и на боярина и воеводу и на всех людей взяли еси запись силно по своей воле, будто обрали они на Новгородцкое государство государя твоего Карлуса короля сына Карла Филиппа, и живешь в новеегороде третьей год, и ноугородцкие пригороды еси иные взатьем взял, а иные прелестью за крестным целованьем, и с Новагорода и с ноугородских пригородов и с уездов доходы всякие еси

многие имал и тем меж великого государя нашего его царского величества и меж государя своего Адольфа короля ссору учинил и большое кровопролитие вчинаешь; и ты б, Яков, из великого государя нашего отчины из Новагорода со всеми неметцкими людьми шол в Свейскую землю и изо всех Ноугородцких пригородах вывел, и великого государя нашего людей в Новегороде и в Ноугородских пригородах и в уездах побивати и в Свею отсылати не велел, тем меж великими государя нашего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии самодержца и государя своего короля ссоры не делал и болшово кровопролит(ь)я меж государей и государств не всчинал.

А будет ты из Новагорода не пойдеши, и мы спрося у Бога милости, идем к Новугороду со многими великого государя нашего царьского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств и с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовными городами с князи и мурзы и с татары и з донскими и волскими и терскими и яицкими и сибирскими атаманы и с казаки и з стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса.

И учнем над вами промышляти, сколько милосердый Бог помочи подаст, и которая кровь меж нас на обе стороны прол(ь)етца, и тое крови Бог взыщет за ваши неправды на вас; а отчины своей Великого Новагорода царьскому величеству никому не поступиватца и ее достигать: самому тебе ведомо, что Нов город от великих государей наших царей Российских ни за кем не бывал, и ныне ему быть за великим государем нашим; а которые дела меж великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и Адольфа короля и меж Росийских государств и Свейские земли ныне настоят, и государь бы твой Адолф король слал о том к великому государю нашему к его царьскому величеству послов своих или посланников по прежнему обычаю, наказав им подлинно о всех делах, которые ныне настоят, говорить и становити, и великий государь наш его царское величество велит с его послы или с посланники своим царским думным людем говорить и становити, как которым делом меж их государей и меж их государств быти пригож, чтоб государем и государствам меж собою быти в миру и в покое и кровь бы крестьянская не лилась, а стояти б нам и вам всем на общих наших недрузей на полских и литовских людей вместе заодин.

И против бы еси сей нашей грамоты нам ведомо учинил и посланца б еси нашего Васил(ь)я Молотеина к нам отпустил не задержав. Писан в полкх лета 7122 октября в 18 день.

Гос. арх. в Стокгольме. Ryska kriget 1609–1617.

2. Грамота Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого в Новгород боярам, детям боярским, приказчикам дворцовых и черных волостей, крестьянам и всяким людям с призывом отстать от шведов и перейти на службу к царю. 1613 г. До 17 декабря

(Была перехвачена шведами у одного казака и уже 17 декабря доставлена в Новгород. — Я. Р.).

По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу от боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да от окольничего и воеводы от князя Данила Ивановича Мезецкого новгородцким дворяном и детям боярским и государевых дворцовых сел и черных волостей приказщиком и крестьяном и всяким людем.

По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу идем мы на его государеву службу на очищение его царские отчины великого Новгорода и новгородских пригородов от неметцких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и Астараханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и яицкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом, а ис Торшку, прося у бога милости, пойдем со многими ратьми и с нарядом к Новугороду вскоре, и государевым делом и з земским учнем над неметцкими людьми промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст.

И вы б, помня Бога и нашу истинную православную крестьянскую веру, от разорителей наших крестьянской веры от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси и ему государю служили и прямили и добра во всем хотели и с его государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу, и в Нове б есте городе про всякие вести проводывали, много-ль ныне в Новегороде с Яковом Пунтосовым неметцких и всяких воинских людей, и что его Яковлево умышлен(ъ)е, и сидеть ли ему в Новегороде и з государевыми людьми ему битца ли и где ныне неметцкие и литовские люди, которые были под Тихвиною, из Сvei прибыльных неметцких людей в Новгород к Якову Пунтосову не будет ли; а проведав про всякие вести, да и те вести писали б есте к нам, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси за вашу службу и раденье пожалует вас своим царским великим жалованьем и во всяких своих податех льготою, и вам бы одинолично государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу

всеа Русии служити и добра во всем хотети, и над неметцкими людьми промышляти сопча и про неметцкие про всякие вести проводывать и всякие вести к нам писали и к воеводам и к головам и к атаманам и х казаком и ко всяким ратным людям, которые ныне стоят в Новгородском уезде в полки и острошки, про всякие (? – Г. 3.) им писали и к ним в полки и в острошки со всякими товары и с хлебными запасы и с конским кормом безо всякого опасенья ездили, а мы о том к воеводам и головам и к атаманам и х казаком про вас писали, чтоб ане вас от неметцких людей и изменников оберегали, и сами б оне над вами никакого насильства и грабежей не чинили, и вас всем оберегали, и вы б однолично безо всякого опасенья государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии в полки и в острошки к воеводам и к ратным людям со всякими товары и с хлебными запасы и с конским кормом ездили безо всякого опасенья, не бояся ничего, и про новгородцкие и про неметцкие и про всякие вести проводывая подлинно к нам писапи в полки и в острошки к воеводам и к атаманам и к казаком про всякие вести писали ж, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии за вашу службу и раденье пожалует вас своим великим жалованьем и льготою и во всем бы есте на государеву милость были надежны.

Стокгольмский гос. архив. Ryska kriget 1609–1617.

Именной указатель

Hallenberg J. – 404
Waaranen – 395, 403

А

Арбузов Павел – 412

Б

Бантыш-Каменский Н. Н. – 404
Беляковский Тороп, подьячий поместной избы – 406
Бестужев Федор, сын боярский – 436
Боборыкин Яков Михайлович, новгородец, сторонник Москвы – 406–409, 413–417, 420–422, 424–426, 435, 443–445, 448, 450, 451
Бойе Еран (Юрий Бой), шведский посол, шведский комиссар на переговорах в Выборге – 396, 403, 448
Бракель Ханс, толмач (Анцэ Бракилев) – 411, 417
Бутурлин Василий Иванович – 446, 449
Бутурлин Иван Матвеевич, воевода в войске Д. Т. Трубецкого – 420, 421

В

Василий Шуйский, русский царь – 401, 419, 431, 433, 449, 454, 455
Владислав, польский королевич – 394, 439, 445
Волынский Семен Иванович, стольник и воевода в войске Д. Т. Трубецкого – 420

Г

Горн Генрик (Индрик Горн Карлович), шведский посол – 396–398, 403, 404, 407, 408, 412, 433–435, 448
Горн Эверт (Еверт Горн Карлусович), шведский военачальник – 397, 398, 401, 404, 408, 411, 412, 417, 421, 424, 426, 428, 430, 431, 433–440, 442–445, 447–452, 455
Грушецкой Илья, кашинец (уроженец Кашина), известный по поручной записи, поручитель – 405
Густав II Адольф, шведский король – 394–396, 398, 399, 402, 404, 407, 412, 417, 422, 423, 425, 426, 437, 428, 430, 433, 437, 438–441, 445, 447–449, 453

Д

Давыдов Иван Никифорович, воевода в войске Д. Т. Трубецкого – 420, 421

Делагарди Якоб (Яков Пунтусов), шведский военачальник – 394–427, 429–431, 433–435, 437–439, 443–447, 449, 454–457

Дубовской Яков Федоров, известный по поручной записи, поручитель – 405

Дымша Л. – 395

Ж, З

Жолковский Станислав, польский гетман – 402, 455

Заденский Иван, подьячий – 438

Заруцкий Иван Мартынович, казачий атаман – 441

И

Иванов Павел, перебежчик, выходец Римлянин – 424

Иловайский Д. И. – 443, 444

Исидор, Новгородский митрополит – 396, 397, 403–405, 407–409, 411–414, 417, 418, 421, 423, 424, 426–429, 436–438, 443, 445, 450, 451

К

Караулов Степан, муромец – 421

Карбел (Корабелл), француз, шведский ротмистр – 409

Карл Филипп, шведский принц – 394, 396, 399–402, 405, 406, 410, 412, 425, 428–431, 437, 440, 446–448, 450, 455

Карл IX, шведский король – 402, 429, 432, 433, 439, 440, 441, 445, 446, 448, 454, 455

Киприан, архимандрит Хутынского монастыря – 396–398, 406, 407, 424–426, 428, 429, 437, 438, 444, 445, 47, 450, 451

Ключевский В. О. – 395

Кобрин Самойло (Соброн) – Самуил Коброн, шведский полковник – 420, 422

Козлов Путило, суздалец – 416

Кокорев Борис, воевода в Осташкове – 433, 434

Косицкий Иван, помещик Шелонской пятины, за которого поручились новгородцы – 405

Круус Эспер Андерсон, шведский полковник – 431

Кутшеба С. – 395

Л

Ланто И. И. – 395

Лупандин Богдан – 405

Лупандин Угрим, помещик Деревской пятины – 403, 405, 437

Лупандина Анна Матвеевна, мать Угрима Лупандина – 405

Лупандина Федосья, жена Богдана Лупандина – 405

Лутохин Семен, новгородский дьяк – 436, 443, 444, 450
Лутьянов Безсонко, Спаса Хутыня монастыря служба – 397
Лыжин Н. П. – 434, 436
Любавский М. К. – 395

М

Мезецкий Данила Иванович, князь, окольничий – 401, 402, 404, 413, 416, 454, 457
Меринг Ф. – 395
Мещерский Григорий, князь – 405
Мещерский Никифор, князь – 420–422, 429
Микулин Иван, казачий атаман на московской службе – 424
Милославский Лука, новгородец – 437, 438
Мённохгофен Юхан, Минхав, Еган Минков (Johan Mönnichhofen), шведский полковник – 420, 421
Михаил Федорович Романов, царь – 392, 399, 401, 402, 408, 411–418, 434, 454, 456–458
Молодожник Кирилл, пятиконецкий новгородцкий староста – 451
Молоков Третьяк, серебряник, сборщик налогов – 451
Молотеин Василий, тверской помещик, посол в Новгород – 401–403, 405, 408, 416, 456
Мортенсон, Монс Пальм (Монша Мартынович), заместитель Я. Делагарди в Новгороде – 425, 427, 428, 431, 434, 436, 444
Мстиславский Федор Иванович, боярин – 434
Муксоловила (Делавиль Пьер), француз, шведский полковник – 409
Муравьев Матвей, участник посольства новгородцев в Москву – 424, 445, 451

Н

Нарбеков Афанасий, сын Самуила Нарбекова – 405
Нарбеков Богдан – 405
Нарбеков Григорий, сын Парфения Нарбекова – 405
Нарбеков Парфений – 405
Нарбеков Самуил – 405
Нарбеков Степан Андреев – 405
Нарбекова Настасья Ивановна, мать Парфения Нарбекова – 405
Нарбекова Овдотья, жена Парфения Нарбекова – 405
Нарбекова Парасковья, дочь Парфения Нарбекова – 405
Нарбекова Степанида Максимовна – 405
Нарбекова Феодора, дочь Парфения Нарбекова – 405
Нарбековы, новгородские помещики – 403
Никандр, архимандрит, посол в Стокгольм – 399, 419, 446, 448

О

- Одоевский Иван Иванович, старший сын боярина Ивана Никитича Одоевского – 425, 430
Одоевский Иван Никитич, боярин, воевода Новгорода – 396, 397, 403–405, 407–409, 411, 413, 414, 416, 417, 421, 423, 425–428, 430, 436–438, 443–445, 450, 451
Оксеншерна Аксель, шведский канцлер – 394, 398, 421, 453
Офонасьев Иван, калачник – 451

П

- Павлов Елисей, переводчик – 418
Пичета В. – 395
Платонов С. Ф. – 453
Плюхин Афанасий, тверитин – 421
Погожев Исаак, воевода в войске Д. Т. Трубецкого – 420
Попов Н. А. – 424
Пристальцев Томило (Остальцев Томило), торговый человек, гонец в Выборг из Новгорода – 396, 397, 407, 425, 426, 429
Прокофьев Первой (Первушка), новгородский купец, гость, посол в Выборг – 426, 427, 429, 452

Р

- Ременник Андрей, пятиконецкий новгородский староста – 451
Рубинштейн Н. Л. – 395
Рюнинг Аксель (Рыник), шведский посол – 448

С

- Свистов, новгородец, известный по поручной записи, поручитель – 405
Семенов, пономарь – 406
Сергеев Томила, дьяк, посол в Выборг – 426, 429
Сигизмунд III, польский король – 394, 433, 455
Сласницин Докучай, пятиконецкий староста в Новгороде – 427, 452
Соловьев С. В. – 445
Соловьев С. М. – 443, 444

Т

- Теннессон Арвид, шведский комиссар на переговорах в Выборге – 396, 403
Тихомиров М. Н. – 406
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, боярин – 401–406, 408, 409, 413–416, 418–422, 424, 454, 457
Трусов Василий Иванович – 429

У, Ф

Федор Иванович, царь – 433, 446

Феодосий, старец, казначей Отня монастыря – 406

Фигаровский В. А. – 397, 398, 405, 408, 412, 424, 425, 428, 430, 437, 438, 443

Филатов Иван (Иван Филатьев сын Железников) новгородский посадский человек, посол из Новгорода к боярину Д. Т. Трубецкому и в Москву – 397, 398, 404, 407–417, 419, 424

Форстен Г. В. – 436, 437

Х, Ц, Ч

Харламов Игнатий, помещик Шелонской пятины – 396, 397

Хирин Андрей Васильевич, рязанец, посол князя Д. Т. Трубецкого в Новгород – 411–418

Хохлов Гаврило, арзамасец – 413, 418

Христина, шведская королева – 448

Ш, Щ

Шатерников Тереха – 408

Шатилов Данила, ржевитин, московский гонец в Новгород – 433, 434, 436

Шепелев, новгородец, известный по поручной записи, поручитель – 405

Шуйский Дмитрий Иванович, боярин, князь – 455

Шуйский Михаил Васильевич, боярин и воевода князь – 454

Э, Ю, Я

Юльбейтусов, шведский солдат, захваченный в плен – 423

Яган Индрусов, шведский ротмистр – 423

Якубов К. И. – 406, 451, 452

Указатель составлен Я. Н. Рабиновичем

**ПЕРЕПИСКА Г. А. ЗАМЯТИНА С РУКОВОДСТВОМ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
1939–1940 гг.**

**Письмо Г. Замятина к А. Строкову
ОПИ НГМ № 3825.**

(18.9.1939)

Зарегистр. 23/IX – 1939

Глубокоуважаемый т. Строков. Ваше письмо от 10/VII – 1939 г. уже [не] застало меня в Перми: я уехал [в] отпуск. Я получил письмо, равно [как] и III–IV вып. сборника, лишь по возвращ[ении] в Пермь в конце августа. Вот причина, почему я так поздно Вам отвечаю. Со снятием копий дело затягивается из-за бумаги. Посылаю Вам пока копию секретного донесения архимандрита Киприана и небольшую свою работу. Работе не даю [заглавия]. Можно ее назвать «К [истории] унии Новгорода со Швецией». Мне кажется, работа будет нелишним дополнением к статье т. Фигаровского, помещенной в III–IV сборнике. Кстати, вы познакомитесь и с моей работой, увидите, что я пришел несколько к другим выводам, чем т. Фигаровский. Работа моя выросла значительно: она охватывает период с 1606 по 1615 г.

В голове теснятся темы более мел[кие].

(оборотная сторона)

Собралось у меня немало мате[риала] о лицах, служивших в Ново[роде] шведам и о лицах, радевших о [Мос]кве; немало материала [накопилось] о военных операциях; собрал я [несколько] десятков расспросных речей [беженцев] из Новгорода; много документов имею на шведском языке из архива Делагарди и из Стокгольмского архива. Надеюсь кое-что из планов осуществить.

Очень бы хотелось получить от вас сведения, какого характера предполагаете Вы выпустить сборник документов.

Может быть, в моих материалах найдется и еще что-нибудь подходящее. Не выработан ли у Вас план или оглавление сборника?

Если Вас не затруднит, не откажитесь мне черкнуть. ***Равным образом, не откажитесь известить меня о получении настоящей посылки.*** Если бы вы знали, как я досаую, что в июне мне не удалось повидаться с Вами и переговорить. Я не теряю надежды на личное знакомство с Вами.

С искренним уважением к Вам

Г. Замятин. Привет т. Фигаровскому

НГМ КП 25975 / 3825 № 3825 – 1946

**Копия отношения Новгородской секции
к профессору [Замятину]
ОПИ НГМ № 3826**

(Отпечатано на машинке, правая сторона не сохранилась. Лист размером 15 × 15 см.)

Професс[ору Г. А. Замятину]

Новгородская секция [Института истории] подтверждает получение посылки с [приложением копии доку]мента XVII в.

Статья, по всей вероятности, по[явится в VI вып. Новгород]ского Исторического Сборника, который будет [издан в окт]ябре–ноябре с. г.

Что касается до Сборника документов о борьбе русского народа со шведской интервенцией в начале XVII века, предусмотренного планом работ секции, то подготовка его [к выходу в свет задерживается до полного] выяснения и собирания материалов. Точного плана [сборника] не утверждено. Было бы желательно получить [Ваше мнение] по этому вопросу.

Заведующий Новгородской секцией: (...)

НГМ КП 25975 / 3826

**Письмо Г. Замятина к А. Строкову 2.11.1939
ОПИ НГМ № 3835**

2/XI – 1939 г.

11 но[ября – получено]

Глубокоуважаемый т. Строк(ов)

В сентябре месяце текущего года я послал на Ваше имя свою небо[льшую] работу и тайное донесение Киприа[на] и получил извещение о том, что все получено, что статья, вероятно, [пойдет] в 6-м выпуске Новг. Ист. о-ва.

Не знаю, в каком положении 6-й выпуск, но все же спешу кое-что исправить в своей работе. Говоря об ответе новгородцев на предложение Горна, я писал, что ответ с датой 30/V сохранился в Стокгольмском архиве, но мне недоступен. На днях, роаясь в своих копиях документов (а их не меньше 500) и в разных выписках (их, наверное, будет до 1000),
(оборотная сторона)

[я наткнулся] на копии ответов новгородцев, написанных мною в Стокголь[ме] в 1915 г. и совсем забытые... Посы[лаю] Вам копии с них. Надеюсь, что [не] откажетесь поместить их в качестве приложения к моей статье.

[Эти документы] требуют внесения поправок в текст статьи. В том месте, где я говорю, что ответ новгородцев на предложение Горна

27/V – 1615 г. сохранился в Стокг. Гос. архиве, но мне недоступен, текст надо заменить прилагаемой вставкой № 1. Желательно было бы сделать исправление и в другом месте, вернее, дополнение об Иване Харламове (№ 2). Второе, впрочем, не столь существенно, как первое.

Если еще не поздно, не откажитесь исправить.

С искренним уважением Г. Замятин

P. S. Не пришлете ли мне корректуру?

Примеч.: В верхнем левом углу – резолюция Строкова и дата – 11/XI

НГМ КП 25975 / 3835 № 3835 – 1946

Открытое письмо Г. Замятина к Порфирьеву ОПИ НГМ № 3846

(На почтовой карточке, заказное)

Адрес. Ленинградская область, г. Новгород. Кремль. Упр. Гос. Музеями т. Порфирьеву.

Обр. адрес. Г. Замятин. Ленинград. Ул. Халтурина д. 29. Общежитие ученых. Комн. № 1.

3/II – 1940. Глубокоуважаемый т. Порфирьев, не откажитесь черкнуть мне по адресу на обороте, будут ли напечатаны мои работы в Новгор. Историч. Сборнике?

Если надежды на печатание нет, то прошу Вас выслать их мне в Пермь (Советская ул., д. 62 кв. 83 (а не 62)).

Проживу в Ленинграде числа до 14/II – 1940.

Если будете возвращать мои рукописи, не откажитесь высказать мне свое мнение о работах. Как я здесь слышу, Вы – большой знаток истории Новгорода, и узнать Ваш отзыв мне будет очень приятно. Привет т. Строкову.

Как дело с изданием документов по истории интервенции шведов? С приветом

Г. Замятин

КП 25975 № 3846 – 1946

Открытое письмо Г. Замятина к А. Строкову 25.2.1940
ОПИ НГМ № 3848

(на почтовой карточке, заказное)

Адрес: Ленингр. обл. г. Новгород. Кремль. Управление Гос. Музеями. Директору т. Строкову.

Обр. адрес: Г. Замятин. Пермь (обл). Советская ул. 62, кв. 83.
(зарегистр. 1 марта 1940, № 55).

25/II – 1940.

Уважаемый т. Строков. По получении настоящей открытки не откажитесь немедленно вернуть мне две мои же работы, посланные Вам для напечатания в Истор. Сборнике. Мне они необходимы для защиты диссертации. Я писал об этом из Ленинграда т. Порфирьеву, но не получил ответа. Теперь обращаюсь к Вам. Надеюсь, что Вы войдете в мое положение и исполните просьбу без замедления. Прошу убедительно лучше упаковать рукописи во избежание потери.

С уважением проф. Замятин.

Р. S. Я не знаю, как у вас дела с печатанием Сборника. Если рукописи в наборе, пришлите корректурные листы. Только не задерживайте!

КП 25975 № 3848 – 1946.

Письмо Замятина к Порфирьеву 7.3.1940
ОПИ НГМ № 3852

(Зарегистр. 14/ III – 1940, № 59)

7/III – 1940 г.

Уважаемый т. Порфирьев!

Простите, что пишу Вам, не называя Вас по имени: я не знаю его.

Получил Ваше письмо – ответ на мое письмо из Ленинграда. Не получая долго ответа из Новгорода, я написал еще т. Строкову, прося его поскорее вернуть мне рукописи, потому что они нужны для защиты диссертации. Ответа дожидаться не могу. Ваше письмо меня не удовлетворило. Вы пишете, что в 8-м выпуске будет напечатана моя первая статья. А что будет со второй? Она-то мне нужна больше всего. Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой незамедлительно выслать ее мне. Из Вашего молчания о ней я вывел заключение, что ей не увидеть света и в Новгороде, как бы она ни была богата новыми данными. Если это так, то зачем ее держать? Буду ждать, что вы пришлете ее мне в скором времени.

У меня сравнительно давно подготовлен очерк военных операций шведов за время с конца июля месяца 1611 г. до 1613 г. с картой. Я использовал при составлении новое издание Генерального Штаба Швеции.

(оборотная сторона)

Нельзя ли прислать его в Новгородскую секцию Академии Наук?

Этот доклад был мною прочитан на Заседании кафедры истории в Пермском Пединституте и был одобрен.

Меня интересует план издания работ Музея. Очень жалею, что пока не удастся мне лично побывать в Новгороде и познакомиться с работниками. Приходится пока задавать вопросы. Не черкнете ли мне несколько слов о плане издания и, в частности, о предполагаемом содержании 7 и 8 выпусков Сборника?

Будучи в Ленинграде в январе-феврале 1940 г. узнал, что ЛОИИ готовит к изданию русский перевод старого сочинения Видекинда о русско-шведской войне начала XVII в. Это будет очень интересно для новгородцев: ведь Видекинд в свое время мог пользоваться архивом Делагарди. Желаю Вам от души всего доброго. Жду ответа и присылки своей рукописи

Г. Замятин

НГМ КП 25975 / 3852 № 3852 – 1946

**Письмо Г. Замятина к А. Строкову 15.3.1940
ОПИ НГМ № 3853**

(Зарегистр. 20 марта 1940)

15/III – 1940 г.

Уважаемый т. Строков! Убедительно прошу Вас выслать мне рукопись с выступлением новгородцев против М. Романова в 1613 г. и при этом возможно скорее. Я уже просил об этом и Вас и Порфирьева. Удивляюсь, почему Вы не можете исполнить мою просьбу.

Т. Порфирьев написал мне, что моя первая работа будет напечатана в 8 в. Новг. Истор. общ., но о второй не обмолвился ни словом. Я делаю вывод, что она в печать не пойдет. В таком случае, зачем ее держать? Пришлите ее мне как можно скорее и непременно известите меня письмом о высылке работы почтой. Вы не можете себе представить, как она мне нужна.

Черкните мне о ваших (планах) изданий и о содержании сборников. Надеюсь, что пришлете их мне наложенным платежом, когда они выйдут.

(оборот страницы)

Книгу «Новгород Великий» имею.

С приветом Г. Замятин

Р. С. Жду с нетерпением рукопись. В голову лезут всякие мысли: уж не потерялась ли она у Вас?

Высылайте ее и извещайте.

КП 25975 / 3853 НГМ № 3853 – 1946

**Копия отношения Новгородской секции ИИ
проф. Г. Замятину
ОПИ НГМ № 3854**

(без даты, весна 1940)

Профессору Г.А. Замятину

Новгородская секция Института Истории АН на(правляет) Вам по Вашей просьбе Вашу работу «Выступление (новгородцев) против первого царя из дома Романовых в 1613 г.». (Новгородская секция) извиняется за задержку высылки, происшедшую по той причине, что весь рукописный портфель Секции находился в Москве.

Вместе с подлинною рукописью статьи посылаются два экземпляра ее машинописной перепечатки, которые Секция просит прочесть, авторски исправить, подписать и возвратить Секции.

Рукопись первой вашей статьи, находящейся сейчас в наборе для 8-го сборника, будет Вам выслана сразу же, по возвращения из типографии.

Секция высылает Вам только что вышедшие 5-й и 6-й «Новгород. Историч. Сборники» и еще раз извиняется за невольную задержку в исполнении вашей просьбы.

Уч. Секретарь.

Публикацию подготовил Я. Н. Рабинович